Дом Холлоу

Автор:
Кристал Сазерленд

Дом Холлоу

Кристал Сазерленд

Много лет назад три сестры Холлоу пропали прямо из-под надзора родителей.

Спустя месяц они появились в том же месте целыми и невредимыми. Но с того момента что-то изменилось. Их темные волосы стали пепельно-белыми, глаза потемнели, а аппетит стал просто нечеловеческим. Вдобавок между ключицами у каждой появился странный шрам в виде полумесяца.

Никто не знает правду о том, что случилось, – даже они сами. Девочки Холлоу просто пытаются жить дальше. Но когда старшая сестра, Грейс, вновь пропадает, у них нет выбора: они должны посмотреть в глаза прошлому и раскрыть тайну своего исчезновения.

Кристал Сазерленд

Дом Холлоу

Krystal Sutherland

HOUSE OF HOLLOW

Печатается с разрешения InkWell Management, LLC and Synopsis Literary Agency

Copyright © Krystal Sutherland

© О. Попова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

«Я не такая, как все» – это осознание впервые пришло ко мне в десять лет.

Около полуночи женщина в белом проскользнула в комнату через окно и срезала швейными ножницами локон с моей головы. Я не спала и все это время следила за ней в темноте, слишком напуганная, чтобы шевельнуться или позвать на помощь.

Я видела, как она поднесла прядь волос к своему носу и вдохнула аромат. Видела, как положила ее на язык и замерла на несколько мгновений, смакуя, прежде чем проглотить. Как наклонилась и провела кончиком пальца по шраму в виде полумесяца на моей шее, чуть выше ключицы.

И лишь когда незнакомка, не выпуская ножниц из рук, распахнула дверь, ведущую в смежную спальню моих старших сестер, я наконец закричала.

Мама схватила ее в коридоре, сестры помогли повалить на пол. Женщина казалась бешеной и сопротивлялась всем трем с неистовой силой, подпитываемой, как мы позже узнали, амфетаминами. Она укусила маму и ударила головой Виви, мою среднюю сестру, с такой силой, что разбила ей нос. Бедняжка еще несколько недель ходила с синяками под глазами.

И только Грей, моей старшей сестре, удалось ее усмирить. Когда сестре показалось, что мама не смотрит, она наклонилась к лицу дикарки и прижалась губами к ее рту. Это был нежный, прямо-таки сказочный поцелуй, который в то же время вызывал отвращение, ведь подбородок женщины был покрыт кровью нашей матери.

На секунду в воздухе повис странный сладковатый запах, смесь меда и чего-то еще, чего-то испорченного. Грей отстранилась и, удерживая голову незнакомки в ладонях, смотрела на нее сосредоточенно, выжидающе. Глаза ее сделались черными, словно отполированные речные камни. Ей исполнилось четырнадцать, и невозможно было вообразить себе существо прекраснее. Мне хотелось содрать с нее кожу и носить на себе.

Под ее прикосновением женщина содрогнулась и просто… стихла.

К моменту приезда полиции взгляд у женщины сделался неподвижным и отстраненным, а ноги – ватными. Когда ее уводили три офицера, она едва стояла на ногах, пошатываясь, словно пьяная.

Интересно, знала ли в те времена Грей, кто мы такие на самом деле?

Позже в полиции нам рассказали, что та женщина прочитала о нас в интернете и несколько недель посвятила слежке и подготовке своего вторжения.

Известность нам принес один странный случай, произошедший тремя годами ранее, когда мне было семь. Я ничего не помнила и никогда не вспоминала о нем, но, как оказалось, многих людей это происшествие всерьез интриговало.

Именно тогда я поняла, что мы отличаемся от остальных. В последующие годы это ощущение только усиливалось, а с нами продолжали происходить странные вещи. Когда Виви было пятнадцать, один мужчина попытался затащить ее в свою машину, чтобы похитить, считая ее ангелом. Она сломала ему челюсть и выбила пару зубов. Еще был учитель, которого Грей ненавидела. Его уволили после того, как в присутствии всего класса он прижал ее к стене и поцеловал в шею. А потом очень симпатичная и популярная девушка, которая доставала меня в школе, вышла вперед на общей линейке и принялась брить себе голову. Роскошные темные локоны падали к ее ногам, а по щекам текли слезы.

Когда среди множества лиц в тот день я в толпе увидела Грей, она пристально посмотрела на меня. Травля продолжалась многие месяцы, но сестре я рассказала об этом только накануне вечером. Она лишь подмигнула мне и вернулась к чтению книги. Шоу ее не интересовало. Но Виви, куда менее деликатная, закинула ноги на спинку впереди стоящего стула и расплылась в широкой улыбке, сморщив от удовольствия свой крючковатый носик.

Сестры Холлоу все время оказывались замешанными в чем-то темном и опасном.

У всех трех были черные глаза и молочно-белые волосы. И завораживающие имена из четырех букв: Грей, Виви, Айрис. Мы вместе ходили в школу. Вместе обедали. Вместе возвращались домой. Друзей у нас не было – они нам не требовались. Словно акулы, мы передвигались по коридорам школы, оставляя мелких рыбешек шептаться за нашими спинами.

Все вокруг знали, кто мы такие. Нашу историю слышал каждый. И у каждого имелась собственная теория относительно того, что с нами произошло. Мои сестры умело пользовались этим. Подобно опытным садовникам, они взращивали и лелеяли окружавшую их тайну, поворачивая ее в ту или иную сторону по своему усмотрению. А я просто следовала за ними, всегда тихая, вдумчивая и смущенная всеобщим вниманием. Одни странности влекли за собой другие. Было опасно искушать судьбу, приглашая в нашу жизнь тьму, но она, казалось, притягивалась к нам сама собой.

Я не задумывалась о том, что сестры окончат школу намного раньше меня, вплоть до того самого момента, когда это произошло. Это место им не подходило. Грей обладала острым умом, но не находила в расписании уроков ничего, что могло бы ее заинтересовать. Если в классе задавали прочитать и проанализировать «Джейн Эйр», она могла решить, что дантовский «Ад» куда интереснее, и посвятить свое сочинение ему. На уроке рисования вместо реалистичного автопортрета она могла изобразить монстра с запавшими глазами и руками, покрытыми кровью. Некоторым учителям это нравилось, но не большинству. Так что Грей выпустилась с довольно скромными оценками. Но если сестру это и волновало, она никогда не показывала, фланируя по школе с уверенным видом человека, которому предсказана самая завидная судьба.

Виви предпочитала появляться в школе как можно реже, чем приносила администрации огромное облегчение, ведь каждый ее приход сопровождался кучей проблем. Она грубила учителям, прорезала в школьной форме дырки,

чтобы та больше соответствовала стилю панк, рисовала баллончиком граффити на стенах туалетов и отказывалась снимать многочисленный пирсинг. Если сестра когда-либо снисходила до письменных работ, то всегда с легкостью получала за них высший балл. Но случалось это слишком редко для того, чтобы помочь ей удержаться на плаву. Впрочем, такое положение вещей Виви полностью устраивало. Каждой рок-звезде нужна достойная история. Так что вылететь из школы, за которую приходится выкладывать тридцать тысяч фунтов в год, – именно то, что нужно.

Они были такими уже тогда: обладали необыкновенной уверенностью в себе, свойственной лишь людям куда более зрелым. Их не волновало мнение окружающих. Не интересовало, что находят привлекательным другие (и этот факт, вполне естественно, делал их самих неотразимо привлекательными).

Они ушли из школы (и из дома тоже) с разницей в несколько недель. Грей тогда было семнадцать. Виви – пятнадцать. Отправились покорять мир в полной уверенности, что им уготовано особенное, блестящее будущее. Так я и осталась одна – последняя из Холлоу. Силящаяся расцвести в густой тени, оставленной старшими сестрами. Тихая, но способная. Наделенная любовью к естественным наукам и склонностью к математике. Отчаянно, больше всего на свете жаждущая стать незаметной.

Медленно, но верно, месяц за месяцем, год за годом атмосфера таинственности, окружавшая моих сестер, рассеивалась. И на долгий период времени моя жизнь стала именно такой, о которой я мечтала с той самой памятной сцены, когда Грей утихомирила чокнутую незнакомку поцелуем: нормальной.

Но однажды, само собой, этой нормальной жизни пришел конец.

Глава 1

Я затаила дыхание, заметив взирающее на меня с пола лицо сестры.

Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на Грей, – тонкий шрам в виде полумесяца. Второе – ее умопомрачительная красота. Журнал «Вог» (уже третья его американская обложка), должно быть, прибыл по почте и приземлился прямо на коврик в холле, где я и нашла его в призрачно-серебристом свете утра. «Девушка-загадка» – гласил заголовок, набранный зелеными, словно замшелыми, буквами. Тело наклонено к фотографу, губы слегка приоткрыты, черные глаза смотрят прямо в камеру. В белых волосах красуются рожки, будто бы ее собственные.

На одно короткое волшебное мгновение я поверила, что моя сестра действительно здесь, во плоти. Знаменитая Грей Холлоу.

За четыре года, прошедших с тех пор как моя старшая сестра ушла из дома, она превратилась в обворожительную хрупкую женщину с волосами, походящими на сахарные нити, и лицом греческой богини. Даже на фото она казалась хрустально-прозрачной и такой легкой, словно в любой момент могла раствориться в эфире. Видимо, поэтому журналисты вечно называли ее неземной, хотя мне Грей такой не казалась. В статьях никогда не упоминали, что в лесу она чувствует себя как дома и легко ладит с растениями. Природа всегда ее любила. Ветви вистерии, росшей рядом с нашим домом, часто проникали в окно детской по ночам и обвивали ее пальцы.

Я подняла журнал и открыла рубрику «История с обложки».

Секреты окутывают Грей Холлоу подобно шелкам.

Мы встречаемся в лобби отеля The Lanesborough (Холлоу никогда не пускает журналистов в свою квартиру, да и гостей, по слухам, тоже не принимает). Она одета в одно из своих творений, неповторимых и завораживающих. Только представьте себе тяжелую вышивку, сотни бусин, нити из чистого золота и тюль, невероятно тонкий, клубящийся, словно дым. Платья от Холлоу, густо расшитые листьями и увядающими лепестками, сравнивают с лихорадочным сном, в котором смешались волшебная сказка и ночной кошмар. Ее модели выходят на подиум с оленьими рогами и мышиными шкурами, а ткани окуривают дымом, так что показы Грей Холлоу пахнут лесным пожаром.[1 - Пятизвездочный отель в Лондоне.]

Она создает прекрасные и странные вещи, но именно их таинственная природа и сделала Дом Холлоу столь популярным в одно мгновение. Каждое из платьев являет собой секретное послание, но и это еще не все. Знаменитости рассказывают, что находят крошечные записочки, вшитые под корсажи; драгоценные камни, перемежающиеся с осколками костей, на которых выгравированы загадочные символы, а также руны, нанесенные невидимыми чернилами; микроскопические капсулы, которые лопаются при ходьбе, высвобождая аромат одноименного парфюма. Рисунки, которые изображает ее вышивка, кажутся дикими, иногда чрезмерно. Только представьте себе генно-модифицированные цветы и скелетообразных минотавров, чьи лица лишены плоти.

Как и их создательница, каждое из платьев – тайна, которая только и ждет, чтобы ее разгадали.

Я бросила читать на этом месте, потому что прекрасно знала, чему будет посвящен остаток статьи. В ней расскажут о том, что произошло с нами, когда мы были детьми, о случае, который ни одна из нас не в состоянии вспомнить. И о нашем отце – о том, как он умер.

Мои пальцы коснулись шрама на шее. Точно такие же были у Грей и Виви. Но ни одна из нас не помнила, откуда они взялись.

Я взяла журнал с собой наверх, в спальню, и спрятала под подушкой, чтобы мама не смогла найти его и сжечь в раковине на кухне, как предыдущий.

Прежде чем выйти из дома, я открыла приложение Find Friends[2 - ** Приложение и служба отслеживания мобильных телефонов для устройств iOS.] – убедиться, что оно работает и передает мою геолокацию. Это было требование матери. Мне разрешалось отправиться на ежедневную утреннюю пробежку, только если она могла следить за моим маленьким оранжевым аватаром, перемещающимся по Хампстед-Хит[3 - * Лесопарковая зона с холмом и видом на город.]. В общем-то мне, в принципе, разрешалось выходить на улицу, но только если мама могла следить за моим маленьким оранжевым аватаром, перемещающимся по… Ну, вы поняли. Аватар самой Кейт висел на юге, в больнице «Ройал Фри»[4 - Крупный учебный госпиталь в районе Хампстед лондонского округа Камден.], где она работала медсестрой в реанимации и частенько брала дополнительные смены.

«Выхожу», – написала я ей.

«Окей, буду за тобой приглядывать, – моментально ответила мама. – Когда вернешься домой, напиши, что все в порядке».

Я вышла в предрассветный зимний холод.

Мы жили в высоком, покрытом белой штукатуркой доме с остроконечной крышей и мозаичными окнами, напоминающими стрекозиные крылья. Остатки ночной мглы все еще цеплялись за карнизы и собирались в лужицы под деревьями во дворе нашего дома. Мать-одиночка вряд ли могла бы позволить себе приобрести такое жилище на зарплату медсестры, но когда-то оно принадлежало родителям Кейт, которые погибли в автокатастрофе, когда она была беременна Грей. Бабушка и дедушка купили этот дом вскоре после свадьбы во время Второй мировой войны, когда цены на недвижимость в Лондоне рухнули из-за Блица[5 - Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года, часть битвы за Британию.]. Они тогда были подростками, немногим старше, чем я сейчас. Когда-то это было грандиозное строение, но со временем оно просело и обветшало.

На моей любимой старой фотографии, сделанной на нашей кухне где-то в 70-х, комната полна ленивого солнечного света, который в летние месяцы задерживается по нескольку часов, цепляясь за верхушки деревьев и создавая им золотые ореолы. Бабушка щурится в камеру. На ее коже – калейдоскоп мерцающих зеленых бликов от витража, который с тех самых пор разбит. Дедушка стоит, обняв ее, с сигарой во рту. Ремень поддерживает брюки высоко на талии. На носу круглые очки. Воздух кажется теплым и тронутым дымком. Бабушка с дедушкой улыбаются. Они такие довольные, такие расслабленные. И если не знать их историю, можно решить, что они счастливы.

Из четырех беременностей моей бабушки только одна, случившаяся в достаточно зрелом возрасте, завершилась рождением живого ребенка, моей матери Кейт. Комнаты этого дома, которые предназначались для детей, остались пустыми.

Они не дожили до момента рождения внучек. В каждой семье есть вещи, о которых не принято говорить вслух. Истории, которые ты знаешь, хоть и не помнишь, откуда. Память об ужасных трагедиях, которые отбрасывают

длинные тени из поколения в поколение. Трое мертворожденных детей Аделаиды Ферлайдс были одной из таких историй.

Другая относится к тому, что случилось с нами, когда мне было семь.

Виви позвонила, прежде чем я успела дойти до конца улицы. Я ответила через беспроводные наушники. Мне не требуется смотреть на экран, чтобы узнать: на связи именно она.

– Привет, – сказала я. – Что-то ты рано проснулась. В Будапеште еще и двенадцати нет.

– Ха-ха-ха, – голос Виви звучал приглушенно, – что делаешь?

– Вышла на пробежку, как и каждое утро, знаешь ли.

Я повернула налево и побежала по тропинке мимо пустых спортивных площадок и высоких голых деревьев. Утро выдалось серым. Солнце медленно пробуждалось за пеленой облаков. Холод пронизывал кожу, выжигая слезы. Каждый удар сердца отдавал болью в ушах.

– Фу-у-у, – ответила Виви. И я услышала на заднем плане объявления о ближайших рейсах. – Зачем ты так себя истязаешь?

– Это полезно для сердечно-сосудистой системы. Ты что, в аэропорту?

– Прилетела ради сегодняшнего концерта. Помнишь о нем? Только что приземлилась в Лондоне.

– Не помню, потому что ты мне не говорила.

– Уверена, что говорила.

– Ничего подобного.

– Ну ладно. Я уже здесь, а Грей сегодня прилетает из Парижа на какую-то съемку. Мы хотим потусоваться в Камдене[6 - * Район на северо-западе Лондона.] до концерта. Заеду за тобой, как только выберусь из этого проклятого аэропорта.

– Виви, сегодня учебный день.

– Ты все еще посещаешь это отвратительное заведение? Повиси минутку, мне нужно пройти таможенный контроль.

Мой привычный маршрут вел через зеленые поля Голдерс Хилл Парк. Трава была усыпана бледно-желтыми нарциссами и бело-фиолетовыми крокусами, напоминающими конфетти. Зима выдалась мягкой, и весна ворвалась в город в середине февраля.

Шли минуты. Под шум аэропорта в трубке я пробежала вдоль западной границы Хампстед-Хит, свернула в парк и миновала побеленное каменное здание Кенвуд-хаус[7 - Резиденция Уильяма Мюррэя, первого графа Мэнсфилда, расположенная в лондонском районе Хампстед. В настоящий момент общественный художественный музей.], углубляясь в заросли вереска, местами такие плотные, зеленые и старые, что начинаешь сомневаться, действительно ли ты все еще в Лондоне. Меня тянуло к тихим уголкам, где тропинки были грязными, а густорастущие деревья, сплетаясь ветвями, образовывали арки. Вскоре на них вновь появятся листья, но этим утром я бежала под голыми ветвями. С двух сторон дорожку окаймляли ковры опавших листьев. Воздух здесь стоял затхлый, пропитанный сыростью. Из-за недавнего дождя было слякотно, и при каждом шаге грязь попадала на мои икры. Солнце уже поднималось, но ранний утренний свет словно был окрашен капелькой чернил, из-за чего тени казались глубокими и таящими в себе неведомую опасность.

В трубке вновь зазвучал голос сестры:

– Ты еще здесь?

– Да, – ответила я, – к большому сожалению. Твоя манера общаться по телефону просто ужасна.

– Как я уже говорила, в школе ужасно скучно, зато со мной невероятно интересно. Требую, чтобы ты сегодня прогуляла занятия ради общения со мной.

– Я не могу…

– Не заставляй меня звонить в администрацию. Я скажу им, что тебе нужно сдать тест на ЗППП, так что ты не придешь.

– Ты не посмеешь…

– Вот и договорились. До скорого.

– Виви…

Едва она отключилась, как откуда-то из низкорослых кустарников прямо мне в лицо бросился голубь. Я взвизгнула и упала на спину прямо в грязь, инстинктивно защищая руками голову, хотя птица в тот же миг упорхнула. И вдруг… я уловила вдалеке на дорожке какое-то движение. За деревьями и высокой травой с трудом можно было различить фигуру мужчины. Бледный и без рубашки, несмотря на холод, он стоял слишком далеко, так что невозможно было даже разобрать, смотрит ли он в моем направлении.

С такого расстояния в бронзовом утреннем свете мне казалось, что на голове у него рогатый череп. Тут же вспомнились фото сестры на обложке «Вог», рожки, в которых ее модели выходили на подиум, и рогатые звери, которых она вышивала на своих шелковых платьях.

Я сделала несколько глубоких вдохов, не вставая из лужи, раздумывая, видел ли меня этот человек. Он не двигался с места. Моего лба вдруг коснулся прохладный ветерок, принесший с собой запах дыма с влажной примесью чего-то дикого.

Этот запах был мне знаком, вот только откуда?

Я поднялась на ноги и бросилась бежать в обратном направлении. В висках стучала кровь. Ноги то и дело скользили, перед глазами маячило навязчивое видение, в котором чудовище настигало меня и хватало за собранные в хвост

волосы. Я все оглядывалась и оглядывалась, пока не выскочила на дорогу после Кенвуд-хаус, но меня никто не преследовал.

Вне зеленого оазиса Хампстед-Хит мир жил своей обычной жизнью. Лондон просыпался. Когда мне наконец удалось восстановить дыхание, страх сменился неловкостью, ведь сзади на моих легинсах красовалось мокрое коричневое пятно. Всю оставшуюся дорогу до дома я бежала в напряжении, вынув один наушник и буквально ощущая адреналин, струящийся по позвоночнику. Какой-то таксист при виде меня рассмеялся, а мужчина, выглянувший, чтобы выкурить утреннюю сигарету, назвал меня красавицей и велел улыбаться.

Оба вызвали во мне лишь страх и гнев, но я продолжала бежать, и вскоре они растворились в белом шуме большого города.

Так оно и бывало с Виви и Грей. Стоило одной из них позвонить – и вот уже со мной происходили всякие странности.

Добежав до конца улицы, я отправила сестре сообщение: «НЕ СМЕЙ являться в школу».

Глава 2

На подъездной дорожке около нашего дома стоял мамин красный «мини-купер». Распахнутая настежь дверь из-за ветра качалась на петлях взад-вперед. Внутрь вела цепочка влажных следов. Наша древняя кошка сидела на коврике у входа и лизала лапу. Животное было старше меня и выглядело таким потрепанным, что походило, скорее, на чучело от плохого таксидермиста. Стоило взять тварь на руки, как она зашипела и выпустила когти, демонстрируя давнюю неприязнь, которую испытывала ко мне, Виви и Грей. Правда, в последнее время Саша слишком одряхлела, чтобы сопротивляться всерьез.

Что-то было не так. Кошке уже лет десять не позволялось гулять на улице.

– Кейт, – тихо позвала я, надавив на дверь, и шагнула внутрь. Не помню, когда и почему мы перестали называть ее мамой, но Кейт так нравилось, и все привыкли.

Ответа не было. Я опустила Сашу на пол и стащила с себя грязные ботинки. С верхнего этажа доносились эхо приглушенных голосов и обрывки странного разговора.

– И это все, что вы можете? – спросила мама. – Даже не в состоянии рассказать мне, где они были? Как это случилось?

По громкой связи ей отвечал мужчина с американским акцентом.

– Послушайте, мадам, вам не частный детектив нужен, а психиатр.

Неслышно ступая по полу, я пошла на звуки голосов. Кейт, все еще одетая в свой хирургический костюм, покачиваясь, стояла рядом с кроватью. Верхний ящик тумбочки был открыт. Темноту комнаты рассеивал лишь туманный медовый свет единственной лампы. Из-за работы в ночную смену мама всегда держала плотные шторы задвинутыми, так что в ее комнате от недостатка солнечного света всегда стоял кисловатый запах. В одной руке Кейт держала телефон, в другой – фотографию, где она была запечатлена вместе с мужем и тремя детьми. Это происходило каждую зиму, за пару недель до годовщины. Мама нанимала детектива, чтобы разгадать тайну, которая оказалась не по зубам полиции. Один за другим сыщики терпели неудачу.

– Так что, это все? – спросила Кейт.

– Господи боже, почему бы вам просто не спросить своих дочерей? – отозвался мужчина. – Если кто и знает ответы, так это они.

– Да пошел ты!

Мама редко ругалась. Так что от неожиданности у меня даже в пальцах закололо.

Кейт повесила трубку с тихим рычанием. Вряд ли ей хотелось, чтобы кто-то видел ее в этот момент. Мне стало неловко и захотелось уйти, но дощатый пол скрипнул под моим весом, словно старые кости.

– Айрис? – удивилась Кейт. На мгновение ее лицо приняло странное выражение… Гнева? Страха? Но оно быстро сменилось беспокойством, стоило ей заметить грязь на моих легинсах.

– Что стряслось? Ты упала?

– Нет, на меня напал бешеный голубь.

– И ты так испугалась, что намочила штаны?

– Очень весело, – надулась я.

Кейт рассмеялась и, присев на край кровати, поманила меня руками к себе. Я подошла и устроилась на полу скрестив ноги, чтобы она заплела мои длинные светлые волосы в две косы. Этот ритуал повторялся почти каждое утро с самого детства.

– Все в порядке?

Мама пробежалась пальцами по моим прядкам. В воздухе витал резкий запах больничного мыла вперемешку с потом и несвежим дыханием. Обычные признаки пятнадцатичасовой смены в неотложке. У кого-то матери ассоциируются с запахом парфюма из детства, а для меня Кейт всегда будет такой: тальк медицинских перчаток с металлической примесью крови пациентов.

– Ты оставила входную дверь открытой.

– Не может быть. Разве? Смена была очень долгой. Я провела всю ночь с парнем, который убежден, что родственники управляют им через анальный зонд.

– В таких случаях требуется неотложная помощь?

– Случись это со мной, думаю, мне хотелось бы разобраться с этим поскорее.

– Справедливо. – Я задержала дыхание, прикусив губу, и выдохнула через нос. Лучше спросить сейчас, чем потом писать в сообщении. – Можно мне сегодня вечером погулять? Виви в городе. У нее концерт. И Грей прилетает из Парижа. Мне хочется побыть с ними.

Мама ничего не ответила, но больно потянула меня за волосы и не извинилась.

Я вздохнула и тихо произнесла:

– Они же мои сестры.

Иногда мне казалось, что просить увидеться с ними (особенно с Грей) – все равно что просить разрешения вколоть себе дозу героина по пути из школы.

– Все будет в порядке. Они могут обо мне позаботиться.

Кейт издала непонятный короткий смешок и вновь принялась заплетать мои волосы.

Фото, которое она рассматривала до этого, лежало на одеяле и было перевернуто: возможно, Кейт надеялась, что так снимок останется незамеченным. Но я взяла его в руки и принялась изучать. На нем были изображены мои мать и отец, Гейб, и мы, три сестры, много лет назад. На Виви зеленое твидовое пальто, Грей одета в бордовую куртку из искусственного меха, а я – в маленьком красном клетчатом пальтишке с золотыми пуговицами. У каждой на шее по золотой подвеске в форме сердца с выгравированными именами: Виви, Грей и Айрис. Рождественские подарки от бабушки с дедушкой, которые жили в Шотландии. Фото сделано именно там – мы тогда приехали их навестить.

Полиция так и не обнаружила ни нашу одежду, ни эти украшения, несмотря на тщательные поиски.

– Тот самый день, – тихо произнесла я. Прежде мне не приходилось видеть это фото. Само его существование стало для меня новостью. – Мы здесь совсем

другие.

– Ты можешь… – Голос Кейт сорвался и утих. Она тихонько выдохнула. – Можешь пойти на концерт Виви.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

– Только вернись до полуночи.

– Идет.

– Я приготовлю что-нибудь поесть, пока ты не ушла в школу. А еще кому-то определенно нужен душ.

Она доплела мои косы и, прежде чем выйти из комнаты, поцеловала меня в макушку.

Когда мама ушла, я снова посмотрела на фотографию, вглядываясь в ее лицо, в лицо отца. Всего через пару часов с ними случится худшее, что можно вообразить. То, что навсегда изменит Кейт, сотрет румянец с ее щек, оставит исхудавшей и бледной. Бо?льшую часть моей жизни она напоминает акварельный портрет женщины, лишенный ярких красок.

А Гейбу пришлось еще хуже.

И все же больше всего изменились именно мы, три девчонки. Я с трудом узнаю темноволосых голубоглазых детей, что смотрят на меня со снимка.

Говорят, после того, что случилось, мы стали более скрытными. Много месяцев не разговаривали ни с кем, только друг с другом, отказывались спать в разных комнатах или даже на разных кроватях. Иногда среди ночи родители заходили в комнату и обнаруживали нас в пижамах сбившимися в кучку. Склонив головы, мы прижимались друг к другу и шептали что-то, словно ведьмы над котлом с зельем.

Наши глаза почернели. Волосы стали белыми. Кожа приобрела запах молока и влажной после дождя земли. Мы вечно были голодны, но при этом не набирали

вес. Мы ели, ели и ели. Продолжали жевать даже во сне, прикусывая языки и щеки, отчего просыпались со следами крови на губах.

Врачи ставили нам самые разные диагнозы, от ПТСР[8 - * Посттравматическое стрессовое расстройство, характеризуется повторяющимися навязчивыми воспоминаниями о шокирующем травматическом событии.] до СДВГ[9 - Синдром дефицита внимания и гиперактивности.]. В наших медицинских картах были собраны в разных комбинациях все буквы алфавита, но никакое лечение не помогло нам стать такими, какими мы были «до». И тогда было решено: мы не больные. Мы просто странные.

Люди с трудом верили, что Кейт и Гейб – наши настоящие родители.

Внешность нашего отца могла бы считаться утонченной, если бы не руки, загрубевшие от плотницкой работы и его главного увлечения: по выходным он усаживался за гончарный круг. Гейб носил уютную одежду, которая покупалась в благотворительных магазинах. Пальцы у него были длинные и шершавые, как наждачная бумага. Отец не смотрел спортивных передач и никогда не повышал голоса. Заметив паука, он выносил его в пластиковом контейнере в сад и отпускал. А еще разговаривал с комнатными цветами, когда поливал их.

Наша мать была не менее деликатной женщиной. Она пила лишь из бокалов, что сделал для нее отец; неважно, были это чай, сок или вино. Из трех пар обуви, что у нее имелись, она предпочитала резиновые сапоги и носила их при любой возможности. После дождя она подбирала улиток с обочины и переносила их в безопасное место. Кейт любила мед: тост с медом, сыр с медом, горячие напитки с медом. По выкройкам, доставшимся ей от бабушки, она сама шила себе летние платья.

Оба они носили стеганые куртки и предпочитали прогулки в английской глуши путешествиям за границу. У них были палки для ходьбы и спиннинги для рыбалки. Оба любили заворачиваться в шерстяное одеяло, чтобы почитать дождливым днем. У обоих были бледно-голубые глаза, темные волосы и приятные широкие лица.

Они были приятными людьми.

Но, соединившись, произвели каким-то образом на свет… нас. Все три вымахали на целых десять дюймов[10 - 1 дюйм равен 2,54 см.] выше своей миниатюрной матери. Длинные, угловатые, с острыми чертами. Вызывающе красивые. С высокими скулами и большими выразительными глазами. С детства люди твердили нам и нашим родителям, что мы неповторимы. Почему-то это звучало как предостережение… Полагаю, так оно и было.

Мы все знали о силе, которая заключается в нашей красоте, но пользовались ею по-разному. Грей осознавала свою власть и прибегала к ней с таким искусством, какое я редко встречала в других девушках. А я в каком-то смысле побаивалась своего отражения, потому что уже знала о побочных эффектах красоты, сексуальности, привлекательности и навязчивого внимания, исходящего не только от юношей и мужчин, но и от девушек и женщин. Моя старшая сестра была настоящей чародейкой, неотразимой и желанной, вечно пахнущей цветущим полем. Живое воплощение летних вечеров на юге Франции. Свою естественную красоту она подчеркивала всеми возможными способами: носила высокие каблуки, тонкое кружево и предпочитала дымчатый макияж. Точно знала, сколько кожи можно оголить, чтобы выглядеть круто и притягательно.

Но главным отличием между нами было вот что: по ночам она не боялась возвращаться домой одна. Всегда ослепительная, иногда пьяная, часто в короткой юбке и блузке с большим вырезом, Грей уверенно двигалась по темным паркам, пустынным улицам, вдоль раскрашенных граффити гаражей, где разные бродяги выпивали, баловались наркотой и спали в одной куче. Она не испытывала страха, посещая места и надевая вещи, из-за которых, случись с ней что-нибудь, люди сказали бы, что она это заслужила.

Грей шагала по этому миру так, как не смогла бы ни одна из известных мне женщин.

– Ты кое-чего не понимаешь, – однажды ответила мне сестра, когда я заговорила с ней об этом. – Я и есть опасность. Я то, что таится в темноте.

Виви была ее полной противоположностью и всячески старалась избавиться от своей красоты. Она побрилась налысо, сделала пирсинг и татуировку «отвали» на пальцах рук – заклинание, которое должно было избавить ее от нежелательного внимания навязчивых мужчин. Но, несмотря на все эти обереги, серьгу в носу, острый язык, волосы на теле, темные круги под глазами из-за бессонных ночей и пристрастие к алкоголю и наркотикам, она оставалась

невероятно красивой. Ей свистели вслед, шлепали по заднице и хватали за грудь, а она собирала всю свою ярость, переплавляла в музыку и выплескивала на сцене, терзая струны своей бас-гитары.

Я представляла собой нечто среднее между сестрами. Не подчеркивала своей красоты, но и не скрывала ее. Регулярно мыла голову и пользовалась дезодорантом. Пахла чистотой, но не опьяняющим ароматом соблазна. Не пользовалась макияжем и выбирала свободную одежду. Не укорачивала юбку школьной формы и не ходила в одиночестве по ночам.

Я встала, чтобы вернуть фотографию на место, в открытый ящик прикроватной тумбочки Кейт. Из-под носков и нижнего белья торчала набитая бумагами папка. Мне захотелось вытащить и открыть ее. Она была заполнена копиями полицейских отчетов, края которых начали закручиваться от времени. Взгляд выхватил наши с сестрами имена и обрывки старой истории. Оторваться было невозможно.

Дети утверждают, что не помнят, где находились все это время и что с ними произошло.

Офицер и офицер отказываются находиться в одном помещении с пострадавшими, утверждая, что после взаимодействия с ними страдают одинаковыми навязчивыми кошмарами.

Цветы, обнаруженные в волосах у детей, являются неидентифицируемыми перофитами, возможно, гибридами.[11 - Растения, способные противостоять воздействию огня.]

Собаки, натасканные на поиск трупов, продолжают реагировать на детей даже спустя несколько дней после их возвращения.

Гейб Холлоу настаивает на том, что глаза всех трех дочерей изменились, а выпавшие ранее молочные зубы вернулись на место.

Меня резко затошнило. Я захлопнула папку и попыталась засунуть ее обратно в ящик, но она раскрылась, и содержимое рассыпалось по полу. Я опустилась на

колени и дрожащими руками стала собирать листы обратно в стопку, стараясь не обращать внимания на их содержимое: фотографии, показания свидетелей, улики. Во рту пересохло. Было физически неприятно держать в руках эти бумаги. Хотелось сжечь их, как сжигают зараженный урожай, чтобы остановить распространение болезни.

А потом наверху стопки я заметила фотографию одиннадцатилетней Грей; прямо из бумаги со снимком появились два белых цветка (настоящие, живые цветки), словно прорастающие через ее глаза.

Глава 3

Хоть Кейт и приготовила мне завтрак, дойдя до школы, я снова почувствовала голод. Даже сейчас, много лет спустя после неизвестной травмы, спровоцировавшей наш необычный аппетит, чувство голода по-прежнему меня не покидало. Как-то на прошлой неделе я пришла домой и опустошила кухню. Есть хотелось чудовищно. Холодильник и кладовая были забиты едой после очередной поездки Кейт за продуктами: две буханки свежего хлеба, банка маринованных оливок, два десятка яиц, четыре банки горошка, пакет моркови, чипсы с соусом сальса, четыре авокадо… и еще целый список. Она закупила продукты на двоих на две недели. Но я съела все до последней крошки. Ела, ела и ела, пока челюсть не начала болеть, а рот – кровоточить. Когда же новые продукты закончились, я отыскала старую банку бобов, коробку хлопьев, банку песочного печенья и проглотила их тоже.

Позже, когда голод наконец утих, встала перед зеркалом в спальне и принялась разглядывать себя, поворачиваясь туда-сюда и гадая, куда же, черт ее возьми, делась вся еда. Ведь я по-прежнему худая, не прибавила ни грамма.

В школе я чувствовала себя как на иголках. Когда дверь машины в зоне высадки резко распахнулась, я так сильно хлопнула рукой по груди, что в том месте до сих пор болело. Я поправила галстук, часть нашей школьной формы, и попыталась сосредоточиться. Пальцы все еще были грязными и пахли чем-то

гнилостным, хотя дома я трижды вымыла руки. Запах исходил от цветов на старом фото. Перед отъездом я вырвала один из глаза Грей. Это был странный цветок с восковыми лепестками и корнями, которые впились в бумагу, словно образуя стежки. Я узнала его: такой узор часто украшал платья, которые создавала Грей.

Дома я поднесла его к лицу и вдохнула, ожидая ощутить сладкий аромат гардении. Вместо этого он пах сырым мясом и мусорными баками. Убрав папку с бумагами обратно в тумбочку, я вышла из маминой спальни и захлопнула за собой дверь. В школе дышалось легче. Кажется, я вновь становилась собой… или, по крайней мере, той тщательно продуманной версией себя, которую я показывала в школе для девочек Хайгейт Вуд. Неподъемный рюкзак, набитый учебниками и книгами по программированию, натирал плечи и угрожающе трещал по швам. Здесь все имело структуру и подчинялось правилам. В свете флуоресцентных ламп среди однообразных костюмов не было места таинственности, свойственной старым, заброшенным домам, лесным зарослям и пустошам. Это место стало моим убежищем, где можно было забыть о странностях моей жизни, хоть я и не принадлежала к этому кругу. Ведь здесь учились дети самых богатых семей Лондона.

По оживленным коридорам я поспешила к библиотеке.

– Ты опоздала на пять минут, – заявила Пейсли, одна из учениц, с которыми я занималась до и после школы. Этой двенадцатилетней девочке явно не хватало роста, зато она умудрялась носить школьную форму так, что это казалось костюмом в стиле бохо-шик. Ее родители прилично платили мне вот уже несколько недель, чтобы я попыталась научить ее основам программирования. Больше всего раздражало то, что Пейсли от природы была сообразительной. И если хотела, осваивала предмет с легкостью и элегантностью, которые напоминали мне Грей.

– О, извини, Пейсли. В качестве компенсации я бесплатно позанимаюсь с тобой еще час после школы. Итак, где твой ноутбук?

Девочка внимательно посмотрела на меня.

– Я слышала, что ты ведьма, – сказала она. Завитки мышино-серых волос падали ей на глаза. – А еще говорят, твоих сестер исключили за то, что они принесли

учителя в жертву дьяволу прямо в классе.

Вау! За последние четыре года слухи, похоже, вышли из-под контроля. Хотя еще более удивительно, что до нее они дошли так поздно.

– Я не ведьма, а русалка. Итак, покажи мне свою домашнюю работу с прошлой недели.

Я включила ноутбук и открыла учебник там, где мы остановились в последний раз.

– Если ты не ведьма, почему у тебя белые волосы?

– Я их осветляю.

Вранье. На самом деле через неделю после того, как Грей и Виви ушли из дома, я попыталась покрасить их в темный цвет. Купила три коробки краски, нанесла на волосы и провела дождливый летний вечер, попивая яблочный сидр в ожидании результата. Прежде чем смыть ее, отсчитала сорок пять минут, как рекомендовано в инструкции, а потом на всякий случай посидела еще немного, с волнением ожидая, что вот-вот увижу новую себя. Все это напоминало сцену из шпионского фильма, где главный герой ударился в бега и пытается изменить свою внешность в туалете на заправке.

Смахнув с затуманенного зеркала в ванной капли конденсата, я вскрикнула. Волосы остались молочно-белыми, краситель их совершенно не тронул.

– Домашнее задание, – напомнила я.

Пейсли закатила маленькие глазки и выудила из сумки ноутбук.

– Вот, – она повернула экран ко мне, – годится? – требовательно спросила девочка.

– Очень неплохо. Несмотря на все твои старания, ты усвоила материал.

– Мне невероятно жаль, но это наше последнее занятие.

Боже, разве двенадцатилетние девочки так говорят?

– Не торопи события. К счастью для нас обеих, твои родители внесли оплату до конца семестра.

– Они просто не знали, кто твои сестры. – Пейсли передала мне конверт, на лицевой стороне которого почерком ее матери было написано мое имя.

– Они очень религиозные, так что мне даже Гарри Поттера не позволено читать. К сожалению, они считают, что ты можешь плохо на меня повлиять. – Девчонка собрала свои вещи и встала, чтобы уйти. – Пока, Сабрина, – произнесла она со слащавой улыбкой.

– Вау, – раздался откуда-то голос, – некоторые люди такие грубые.

– Ну привет, Дженнифер, – произнесла я, увидев миниатюрную блондинку, которая отделилась от толпы и уселась на стул напротив.

В первые месяцы после того, как Грей и Виви ушли из школы, я переживала одиночество так тяжело, что каждое биение сердца приносило боль. Мне отчаянно хотелось завести друзей среди сверстников. Раньше приятели мне не требовались, но без сестер оказалось, что мне не с кем поесть в обед и не с кем провести время в выходные, разве что с мамой. И однажды Дженнифер Вейр пригласила меня на вечеринку с ночевкой в честь ее дня рождения. Подозреваю, что не по собственному желанию – наши мамы работали вместе в больнице «Роял Фри». Я осторожно согласилась. Мероприятие было роскошное: в просторной гостиной семейства Вейр, утопавшей в море золотых и розовых шаров, для каждой из нас установили отдельный небольшой вигвам, украшенный гирляндами. К утру мы посмотрели три части «Заклятия» и съели столько праздничного торта и вкуснейшей выпечки, что казалось, кого-нибудь обязательно вырвет. Болтали о мальчиках из соседних школ, обсуждали, какие они классные. Потом забрались в бар родителей Дженнифер, и каждая выпила по две рюмки текилы. Даже Жюстин Хан, девчонка, которая доставала меня в школе, а потом на глазах у всех побрила голову, казалось, не возражала против моего присутствия. Пару приторно-розовых, одурманенных алкоголем часов я позволяла себе фантазировать, что так будет всегда… И, возможно, все сбылось бы, если бы не игра в бутылочку, из-за которой мы с Жюстин в итоге оказались в травмпункте.

С той самой ночи Дженнифер Вейр перестала со мной разговаривать.

– Ты что-то хотела?

– Ну, если честно, – с улыбкой произнесла Дженнифер, – я купила билеты в «Камден Джаз Кафе» на сегодняшний концерт. Говорят, там будет твоя сестра.

– Конечно, она там будет, – смущенно ответила я, – это же ее концерт.

– Нет же, глупышка, я имею в виду другую сестру, Грей. Хочу сказать… на самом деле я безумно хочу с ней познакомиться. Может, представишь меня ей?

Я внимательно посмотрела на нее. Дженнифер Вейр и Жюстин Хан (вместе они называли себя Джей-Джей) на протяжении последних четырех лет изо всех сил старались превратить мою жизнь в ад. И если первая откровенно игнорировала меня, вторая вела себя по-другому: кровавая надпись «ведьма» на моем шкафчике, мертвая птица, подброшенная в рюкзак, и даже как-то раз битое стекло, подсыпанное в мой ланч.

– В любом случае, – продолжила Дженнифер, но ее деланая улыбка уже почти увяла, – подумай об этом. Мне кажется, тебе было бы полезно стать моей подругой. До завтра.

Когда она ушла, я прочитала записку от родителей Пейсли, в которой они объясняли, что услышали «некие вызывающие тревогу обвинения», и попросили вернуть аванс. Я порвала клочок бумаги и швырнула его в корзину, а затем достала телефон и проверила таймер обратного отсчета, чтобы узнать, сколько дней осталось до выпускного: сотни. Целая вечность. В школе многие помнили сестер Холлоу, и с того месяца, когда обе мои сестры уехали из города, эта ноша легла на мои плечи.

Первым уроком был английский. Я заняла свое обычное место у окна за первой партой и раскрыла экземпляр «Франкенштейна», сплошь заклеенный разноцветными стикерами с моими замечаниями. В процессе подготовки к этому занятию я дважды прочитала роман, тщательно выделяя абзацы и делая заметки в поисках разгадки, ключа. Наша учительница английского миссис Фистал испытывала ко мне противоречивые чувства. С одной стороны, ученица,

которая читала все, что задано, часто не по одному разу, являла собой нечто вроде феномена. С другой стороны, ее сводило с ума мое желание получить точные и правильные ответы относительно литературного произведения.

На улице моросил дождь. Раскладывая вещи, я боковым зрением уловила странное движение и посмотрела в окно.

Там, в просвете между домами, на мокрой траве стоял человек с бычьим черепом на голове и смотрел на меня.

Глава 4

Я вскочила так резко, что едва не опрокинула парту. Книги и ручки рассыпались по полу. Все в классе, пораженные этим внезапным нарушением рутины скучного школьного дня, замолчали и обернулись, чтобы посмотреть на меня.

Сердце бешено колотилось в груди, дыхание сбилось.

– Айрис, – встревоженно произнесла миссис Фистал, – ты в порядке?

– Только не подходите к ней слишком близко, – предупредила учительницу Жюстин Хан. Когда-то я считала ее красивой. Вероятно, она была такой и до сих пор, но теперь сквозь ее кожу, казалось, просвечивало ядовитое нутро. Ее прямые темные волосы снова отросли. На переменах Жюстин доставала из рюкзака расческу и вытягивала их. Ее до неловкости идеальная, сияющая прическа служила двойной цели, словно занавес, помогая скрывать шрамы по обеим сторонам шеи, оставшиеся от моих ногтей, когда она поцеловала меня. – Всем известно, что она кусается.

Кое-где раздались взрывы хохота, но большинство моих одноклассников были слишком потрясены и не знали, как реагировать.

– Э-э-э, – мне нужен был предлог, чтобы выйти из кабинета, – простите, меня тошнит, – объявила я, присев на колени и торопливо запихивая вещи в сумку.

– Сходи в медицинскую комнату, – напутствовала миссис Фистал, когда я была уже на полпути к двери.

Еще одна привилегия прилежных учениц: учителя с легкостью верят, если говоришь им, что заболел.

Выйдя из аудитории, я перекинула рюкзак через плечо и бросилась на улицу к тому месту, где видела странного человека в просвете между зданиями. День был серый и мрачный, типичный для Лондона. Пока я бежала, брызги грязи летели прямо мне на носки. Еще издалека было очевидно, что там никого нет. Но я остановилась, лишь оказавшись на том самом месте. Воздух пах дымом и мокрым зверем. Сквозь дымку дождя было видно окна нашего кабинета.

Я набрала номер Грей, чтобы услышать ее голос. Ей всегда удавалось меня успокоить. Включилась голосовая почта. Видимо, сестра уже была в самолете на пути из Парижа. Пришлось оставить ей сообщение: «Привет. М-м-м… Перезвони, когда приземлишься. Я тут немного с ума схожу. Кажется, кто-то следит за мной. Ладно, пока».

Потом я неохотно позвонила Виви.

– Так и знала, что ты передумаешь, – ответила она после первого же гудка.

– Ничего подобного.

– Да? Странно. А ну-ка обернись.

Я обернулась. На парковке стояла моя сестра и приветственно махала рукой.

– Ого, – произнесла я, – мне нужно бежать. Тут какая-то странная женщина преследует меня.

В свои девятнадцать лет Виви носила ультракороткую стрижку и сережку в носу, украшала себя пирсингом и татуировками, курила сигареты с гвоздикой и

играла на бас-гитаре, а ухмылка ее была такой пронзительной, что казалось, можно пораниться об нее. Она устроилась прямо на капоте красной машины, купленной кем-то из учителей под влиянием кризиса среднего возраста. Дождь ее не беспокоил. Несмотря на то что сестра прилетела из Будапешта, я не увидела никакого багажа, кроме маленького кожаного рюкзачка. Она была в короткой юбке и длинной куртке, как в той старой песенке группы «Кейк»[12 - Американская рок-группа.]. Два года назад, когда самым модным аксессуаром сезона стал шрам нашей Грей и девочки-подростки начали резать кожу в основании шеи в форме полумесяца, Виви замаскировала свой татуировкой в виде цветов глицинии, которая покрывала ее ключицы, спускалась на спину и вниз по рукам. Язык у нее был проколот, нос – тоже, а в ушах, пожалуй, было так много металла, что хватило бы на пулю.

Если Грей была самой высокой модой, то Виви представляла собой чистый рок-н-ролл. Я оглядела ее с головы до ног.

– Эй, Фуриоса[13 - Однорукая женщина-воин, которую сыграла Шарлиз Терон, персонаж фильма «Безумный Макс: дорога ярости».], шла на съемки «Безумного Макса» и заблудилась?

Взгляд подведенных черным глаз сестры задержался на мне, пока она затягивалась сигаретой. Редкая женщина может выглядеть настоящей сиреной с бритой головой и сигаретой в руках, но Виви это удавалось.

– Как видишь, Гермиона.

На ум снова пришла та песня: «Голос темный, словно дымчатое стекло».

– Кажется, в силу преклонного возраста разум тебя покидает, – произнесла я, качая головой.

Мы обе рассмеялись. Виви соскользнула с капота и заключила меня в медвежьи объятия. Под плотной тканью куртки ощущалась сила ее мышц. Вот кто может постоять за себя. С того самого эпизода, когда какой-то парень попытался затащить ее в свою машину, Виви посещала курсы самообороны.

– Рада видеть тебя, малышка.

– Боже, от тебя ужасно пахнет. Что это?

– А, это, – Виви подняла руку и махнула в мою сторону из подмышки, – эта ядовитая вонь – не что иное, как парфюм от нашей Грей.

«Холлоу» от Грей Холлоу – тот самый аромат, который она велела вшивать в крошечных капсулах в платья ее марки. Два года назад на Рождество старшая сестра прислала мне флакон духов, которые пахли дымом и лесом, а еще чем-то диким и испорченным. Я едва не задохнулась от этого аромата.

Но, как и все, что выпускала Грей Холлоу, он стал бестселлером. Модные журналы назвали его пьянящим и загадочным. Грей тогда отправила по коробке этой мерзости всем учителям в нашей школе, которые ее доставали. Подарок в стиле «Посмотрите, кем я стала, сучки». И они вовсю пользовались этим ароматом. Он впитывался в одежду и волосы, окружая их влажной зеленой аурой, и будто бы затягивал все другие запахи на свою орбиту. Брал их в заложники. Но стоило посильнее включить отопление, как в учебных классах начинало отдавать свернувшимся молоком и гниющим деревом. Однако никто, кроме меня, против этого запаха не возражал.

– Сколько друзей продинамили тебя, прежде чем ты решила позвонить мне? – спросила я, хотя мы обе знали, что ни у одной из нас друзей в Лондоне нет.

– Пять вроде. Максимум шесть, – парировала Виви. – Все устроились на работу. Это просто отвратительно. Так ты идешь или нет?

– Я не могу просто взять и прогулять школу.

– Можешь. Кому ты это рассказываешь? Я так каждый день делала.

– Да, но, знаешь ли, некоторым приходит странная идея – поступить в университет. К тому же Кейт будет беситься, если пропущу занятия. Она и так не хотела отпускать меня на ваш концерт. Ты же знаешь, какой она бывает.

– Гиперопека Кейт и твоя готовность подчиняться – штуки одинаково нездоровые. Дай-ка мне свой телефон.

Угадать мой пароль было несложно: 16 – день рождения Грей, 29 – день рождения Виви и 11 – мой день рождения. Она позвонила маме, и та мгновенно взяла трубку.

– Нет, Кейт, ничего не случилось. – Виви закатила глаза. – Просто хочу похитить Айрис на денек. – На слове «похитить» мы обменялись взглядами. Я покачала головой. – Ее не будет в школе, так что не сходи с ума, когда полезешь проверять в свое дурацкое, нарушающее все личные границы приложение. Ладно… Да, я знаю. Нет, Грей не с нами. Только Айрис и я. Обещаю… Конечно… Понимаю… Да, Кейт, я знаю. Со мной она в безопасности, ясно… Да, после шоу я заскочу домой. Тоже очень хочу увидеться. Люблю тебя. – Виви отключилась и бросила мне телефон. – Готово, ничего сложного.

Интересно, как бы Кейт отреагировала, явись Грей ко мне в школу и забери меня с уроков без предупреждения. Полагаю, к нам уже спешил бы наряд полиции.

– Похитить? – переспросила я. – Серьезно? Не самое удачное слово.

– Я случайно. О, черт, у нас гости.

Через стоянку к нам торопилась миссис Фистал.

– Айрис, я решила проверить, как ты. Тебе лучше? – спросила она.

– К сожалению, нет. Кажется, мне нужно домой, – ответила я и указала на Виви.

Миссис Фистал перевела взгляд на сестру.

– Здравствуйте, Вивиан, – холодно произнесла она.

– Здоро?во, Фистал, – отозвалась Виви и подняла руку… чтобы показать учительнице средний палец. Та поджала губы и, покачав головой, двинулась в обратном направлении. Да уж, Виви никогда не была образцовой ученицей.

Я шлепнула ее по животу.

– Виви!

– Что? Я сто раз говорила этой старой карге, что меня зовут Виви, а она твердит свое дурацкое Вивиан. К тому же она влепила мне два по английскому.

– Конечно. Потому что ты ни одного-единственного раза не ходила на ее уроки.

– Якобы.

Я закатила глаза.

– Ты сегодня связывалась с Грей?

– Нет. Пару дней мы не созванивались. Попыталась набрать ей сегодня, когда приземлилась, но у нее, похоже, телефон сел. Но ничего, план она знает. Идем. Поедим чего-нибудь в ожидании нашей чрезвычайно деловой и важной сестры. Надеюсь, она почтит нас своим присутствием.

Виви одну за другой курила сигареты с гвоздикой и потягивала пряный эрл-грей. Я успела забыть, как с ней бывает весело. Пообедав кебабом, мы отправились гулять по ее любимым местам в Лондоне: гитарный магазин на Денмарк-стрит, блошиная лавка в Камдане. В студии татуировки в Кентиш-таун[14 - Район северо-западного Лондона.] добрых пятнадцать минут она уговаривала меня набить рукав. Пока мы перекусывали круассанами и пиццей на дрожжевом тесте, сестра рассказывала о том, как провела последние шесть месяцев с нашей последней встречи: про европейское турне через Германию, Венгрию и Чехию; про концерты в руинных барах, пустых бассейнах и на заброшенных складах; про красивых европейских женщин, которых она соблазняла по пути. Некоторых деталей я, пожалуй, предпочла бы не знать.

В назначенный час Грей так и не появилась. Было немного странно проводить время вдвоем с Виви. Всю нашу жизнь, даже после того как мои сестры съехали из дома, мы встречались втроем. Всегда в полном составе. Без Грей мне чудилась какая-то незавершенность. Словно вся наша внутренняя сестринская иерархия рухнула и обратилась в хаос. Каждая знала свою роль: Грей была боссом, лидером, капитаном, который принимает решения и несет за них

ответственность. Виви – вечным источником веселья и сумятицы, рассказчицей анекдотов, дикаркой… Но и она, при всей своей любви к анархии, постоянно признавала авторитет Грей. Подозреваю, что она ушла из дома в пятнадцать лет отчасти затем, чтобы вырваться из системы, железные правила в которой устанавливала старшая сестра. Я играла роль младшенькой, малышки, нуждающейся в защите. Со мной сестры всегда были добрее и мягче, чем друг с другом. Грей редко давила на меня, как это было с Виви. А та редко огрызалась и кричала на меня, как это делала с Грей.

Ближе к вечеру мы отправили старшей сестре в «ватсап» фотки. Пусть посмотрит, как мы отрываемся без нее и сколько всего она пропускает. Это такой особый вид сестринского наказания: Грей ненавидела, когда мы оставляли ее в стороне и не сообщали заранее о наших вылазках. Она была генералом, а мы – ее маленькой, но преданной армией. «Если Грей прыгнет с моста, ты тоже прыгнешь?» – как-то спросила мама, накладывая шину на мой сломанный мизинец. За пару часов до этого то же несчастье произошло с моей старшей сестрой. Так что я нашла молоток в гончарном чулане отца и раздробила свой.

Вопрос остался без ответа. Был ли это вообще вопрос?

Я не повторяла за сестрой. Я была ею. Дышала и моргала с ней в унисон. Чувствовала боль, когда ей было больно. Соберись Грей прыгнуть с моста, мы сделали бы это вместе, держась за руки.

Однозначно. Конечно же. Само собой.

Вечером перед концертом мы встретились с девчонками из группы Виви, чтобы поужинать вместе. Вечно пьющую немку с голосом, как у Дженис Джоплин[15 - Американская рок-певица 60–70-х, признанная лучшей белой исполнительницей блюза.], звали Кэндис. А еще была Лора – датская барабанщица, которая выглядела как фея и играла как банши[16 - ** В ирландском фольклоре особая разновидность фей – вестниц смерти.]. Я, кажется, влюбилась в нее с того самого момента, когда впервые увидела на сцене во время поездки в Прагу полгода назад. Грей тоже прилетала. Все вместе мы провели выходные, блуждая по лабиринтам мощеных улочек старого города, питаясь исключительно трдельниками и запивая их исключительно абсентом.

Когда мы смотрели выступление группы в залитом красным светом подвальном баре, Грей знала все слова наизусть и подпевала каждой песне. Это мне нравилось в ней больше всего: ты можешь не видеться с ней месяцами, а потом она вдруг появляется, зная каждую букву каждой твоей песни, словно это сонеты Шекспира. Грей не просто знала, что я хорошо учусь, она общалась с учителями и читала каждое мое сочинение, а при встрече обязательно хвалила их сильные стороны.

Так где же она теперь?

В «Леди Гамильтон[17 - * Эмма Гамильтон – любовница британского вице-адмирала Нельсона, прославившаяся на всю Европу красотой, талантом и скандальными интригами.]» – любимом баре Виви, названном в честь знаменитой красавицы восемнадцатого века, мы поужинали острой жареной курицей в японском стиле. Кстати, первой татуировкой Виви стала картина Джорджа Ромни, где Эмма Харт предстает в образе Цирцеи[18 - В древнегреческой мифологии: могущественная чародейка, обитающая на острове Эа, куда был занесен во время своих блужданий по морю корабль Одиссея.], очаровательной женщины с большими глазами, пухлыми губами и развевающимися на ветру волосами. Не знаю, что сестра нашла раньше, бар или историю этой дамы, но так или иначе, когда бы она ни приехала в Лондон, мы неизбежно заглядывали сюда. Внутри бар был теплым и уютным: мебель и стены цвета темного дерева, на потолке – фигурные планки винного цвета и панно из лепнины. Пока мы ели, свечи роняли на стол капли белого воска. Виви плеснула мне в бокал домашнего красного вина. Еще одно различие между моими сестрами: бюджет. Если бы здесь была Грей, мы провели бы вечер в «Скетче»[19 - Лондонский коктейль-бар в особняке XVIII века.], заказывая блюда от шефа и поглощая один за другим двадцатифунтовые коктейли.

Я с тоской подумала о завтрашних уроках и подготовке к ним, которую пропускала, проводя вечер здесь. Потом переключилась на шею Лоры и попыталась представить, какова она на вкус, если ее поцеловать. Наверное, в школьной форме я выглядела настоящим ребенком. Потом мне вспомнился мужчина с рогами. Стоило Виви появиться в городе, как вокруг меня тут же начала происходить какая-то странная фигня.

После ужина мы двинулись в сторону Камдена, мимо мини-маркетов и ночных парикмахерских. Из дверей закусочных пахло горячим маслом. Даже зимним вечером в будни на улицах вокруг станции Камден-таун было полно народа.

Одетый в кожаную куртку панк с ядовито-оранжевым ирокезом собирал с туристов по фунту за фотографию. Представитель компании по производству электронных сигарет раздавал бесплатные пробные наборы прохожим, возвращающимся домой с работы или выглянувшим, чтобы зайти в ближайший продуктовый. Из залитых медовым светом баров высыпали гуляки. Парочки, держась за руки, шагали в сторону Одеона, чтобы посмотреть кино.

Группа Виви «Духовные сестры» была приглашена играть в «Джаз Кафе», которое в противовес своему названию представляло собой, скорее, ночной клуб с живой музыкой, расположившийся в старом здании «Барклайз бэнк». Белые колонны и окна в виде арок придавали ему псевдогреческий стиль. Голубые неоновые буквы провозглашали клуб одним из самых знаменитых джазовых мест Лондона. Перед входом, несмотря на холод, уже собралась небольшая толпа, при виде которой Виви и ее подруги остановились.

– Господи боже, – сказала Лора, – мы что, стали знаменитыми?

«Духовные сестры» были известны в узких кругах тех, кто посещал модные подвальные бары гранжевых европейских городов, но знаменитыми они точно не были. До славы, которую имела Грей, им было очень далеко.

Виви окинула взглядом очередь и прикурила сигарету.

– Кажется, я сказала менеджеру клуба, что, если они пригласят нас, на концерт явятся моя сестра и стадо полураздетых супермоделей.

– Стадо? – переспросила Кэндис. – Уверена, что это подходящее слово для супермоделей?

– Самое подходящее, Кэндис.

– Продвигать концерты за счет собственной сестры – по-моему, слегка аморально, – заметила я.

– Супермодели для того и созданы, чтобы впаривать людям всякую хрень, – ответила Виви. – Какой смысл быть близкой родственницей одной из них, если время от времени нельзя использовать ее имя ради собственной выгоды?

– О боже, Айрис, – в толпе кто-то отчаянно замахал руками, – мы здесь!

Дженнифер Вейр и Жюстин Хан стояли рядом со входом. Дженнифер махала мне, а Жюстин стояла, скрестив руки на груди, и смотрела прямо перед собой, плотно сжав челюсти.

– Подружки твои? – спросила Виви, когда Дженнифер вынырнула из толпы и потянула за собой Жюстин.

– Скорее, смертельные враги, – пробормотала я в ответ.

– Боже мой, я так надеялась тебя тут встретить! – воскликнула Дженнифер. – Мы приехали пораньше и отстояли в очереди уже не меньше часа.

– Наши поклонницы, да? – спросила Виви.

– О да, конечно, – ответила Дженнифер. Виви скользнула взглядом по Жюстин.

– Твое лицо мне знакомо. – Сестра щелкнула пальцами и указала на нее. – Точно, вспомнила! Ты та девчонка, которая побрилась налысо перед всей школой. Это было чертовски круто. – Виви протянула руку и накрутила на палец прядь длинных темных волос Жюстин. – Жаль, что ты их снова отрастила. Мне ты нравилась лысой.

– Не смей меня трогать, чертова ведьма! – рявкнула Жюстин, а затем развернулась и поспешила к итальянскому ресторану через дорогу.

– Жюстин! Жюстин! – закричала Дженнифер вслед. – Простите, не знаю, что на нее нашло. – Девушка вновь обернулась ко мне. – Твоя сестра здесь? Она ведь придет?

– Вообще-то я ее сестра, – вмешалась Виви.

– Думаю, должна появиться, – ответила я. – Сегодня мы с ней не связывались.

– А вы пойдете в «Кукушку» после концерта? Божечки, как думаешь, Тайлер Янг приедет вместе с ней?!

– В «Кукушку»?

– Это самый крутой и ультраэксклюзивный клуб в Лондоне! О да, обычным людям туда не попасть, но Грей и Тайлер постоянно там тусуются!

На лице Виви появилась язвительная улыбка. Она презирала людей, которые говорили о нашей сестре так, будто знают ее. Грей принадлежала нам. Только нам.

– Мы обязательно тебя предупредим, если что, – произнесла она, взяв эмоции под контроль. – До скорого.

До Дженнифер явно не дошло, что ее отшили.

– О, как видите, я теперь потеряла место в очереди. Можно мне войти с вами? Я прямо-таки мечтаю побывать за сценой!

Виви сделала последнюю, очень долгую затяжку и выпустила гвоздичный дым прямо в лицо Дженнифер.

– Ты хоть одну нашу песню знаешь или явилась сюда доставать Грей? Назови любую песню.

Дженнифер застыла.

– Я… не думаю… Это нечестно.

– Кстати, – продолжила Виви, раздавив окурок ботинком, – как называется наша группа?

Дженнифер снова открыла и закрыла рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Да уж, так я и думала, – объявила Виви. – Брысь в очередь.

– Виви, такая Виви. Всегда с легкостью заводит друзей, – промурлыкала Лора, когда двери перед нами открылись, и мы вошли в клуб.

Сестра обняла своих подруг за плечи и вошла, как и полагается рок-звезде.

– Просто чокнутые какие-то, – заявила она, совершенно забыв, что завтра в школе именно мне придется вновь иметь дело с этими «чокнутыми», которые теперь сверлили меня взглядом, скрестив руки на груди.

Пока на сцене шел разогрев, мы немного посидели в гримерке. Затем «Духовные сестры» вышли на сцену, и, так как Грей не появилась, я вновь написала ей сообщение.

«Они уже начали. ГДЕ. ЖЕ. ТЫ?»

Странно, что она не видела мои предыдущие сообщения. Виви могла неделями не проверять соцсети, но Грей из них не вылезала. Я открыла инстаграм[20 - Деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ]. У меня был закрытый аккаунт, и в личных сообщениях висели тысячи запросов. Когда ты сестра суперзвезды, все хотят урвать свой кусочек – точнее, добраться до нее через меня. Поэтому и рыщут по моим инстаграму и фейсбуку.

Моя кузина учится с тобой в одной школе. Мне кажется, ты очень сексуальная. Пришли мне фотку, где ты голая, красотка (если стесняешься, пришли фотку сестры).

Передай Грей, если она разобьет сердце Тайлеру, я ее убью. Найду и убью.

Привет. Кажется, я знаю, что случилось с вами в детстве. Как насчет версии, что вас похитили инопланетяне? Двоюродный дедушка моего лучшего друга работает в зоне 51. Он утверждает, что есть доказательства. Расскажу все в деталях за небольшое вознаграждение. Ответь мне.

Знаю, что ты вряд ли когда-нибудь прочитаешь это, но у меня ощущение, что мне СУЖДЕНО стать знаменитой моделью. И если передашь сестре мои снимки,

буду БЕСКОНЕЧНО тебе благодарна.

Я перешла в аккаунт Грей, чтобы посмотреть, когда она опубликовала последнюю фотографию. Грей Холлоу, супермодель, девяносто восемь миллионов подписчиков. ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ. Ее фото с другими супермоделями, фото ее обложек, фото с поп-звездами, сделанные за сценой во время их концертов, Грей на яхте, Грей со своим бойфрендом, моделью Тайлером Янгом, в каком-то подсвеченным розовым ночном клубе… Видимо, в той самой «Кукушке».

Старшая сестра впервые рассказала мне о Тайлере шесть месяцев назад, во время поездки в Прагу, после того как мы обе выпили немало абсента из бокалов тонкого стекла. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, в одной из будок ночного клуба, расслабленные и согретые изнутри алкоголем и полынью. Ее голова лежала на моем плече. Мы смотрели, как Виви танцует с какой-то девчонкой. Они познакомились в баре. Грей подняла левую руку, а я – правую, и мы соединили пальцы так, чтобы получилась арка. Всей своей кожей, всей грудью я чувствовала ее сердцебиение и прочную нить, связывающую нас.

– Кажется, я в него влюбилась, – тихо произнесла она. В ее дыхании угадывались нотки сахара и аниса. Голос выдавал улыбку. Мне и так уже было понятно, что она влюбилась. Я догадалась об этом накануне, когда мы встретились в аэропорту «Вацлав Гавел» и я впервые обняла ее после долгих месяцев разлуки. Она пахла по-другому. Как-то… мягче, нежнее. Ей это очень шло. Влюбленность делала ее еще более неотразимой.

Я была одновременно и удивлена, и нет. С одной стороны, мне уже было известно, что они вместе. В журналах публиковали фото, где они держались за руки, а Тайлер начал все чаще и чаще появляться в инстаграме сестры. С другой стороны, у Грей никогда прежде не было настоящего бойфренда. Только краткосрочные связи. И, в отличие от Виви, которая часто и с удовольствием делилась подробностями своей личной жизни, Грей была очень сдержанна и рассказывала мало.

– Тайлер Янг? – спросила я. И она сонно кивнула в ответ.

– Знаешь, он особенный. Ты все поймешь сама, когда вы познакомитесь.

До сих пор нашей встречи так и не произошло, но, возможно, она случится сегодня… Если, конечно, Грей соизволит явиться.

Последний пост Грей был выложен пять дней назад. На фото она стояла в платье из зеленого тюля, прислонившись к перилам красного дерева с бокалом шампанского в руках. Ее кожа мерцала во флуоресцентно-розовом свете. В светлые волосы были вплетены веточки гипсофилы. #TBT London Fashion Week. В качестве локации был указан тот самый клуб «Кукушка». Снимок набрал больше пятнадцати миллионов лайков.

Внутри «Джаз Кафе» обнаружилось два уровня: на нижнем располагались сцена и публика из тех, кто предпочитал накачиваться пивом коллективно. Группа Виви выступала в оранжевом свете среди мерцания лазерных лучей. Уровнем выше были бар и ресторан, где устроились те, кто привык неспешно потягивать вино. Там за круглым столом я заметила угрюмых Джей-Джей.

Грей не появилась во время первой песни; когда исполняли вторую и третью, ее тоже не было. Кэндис двигалась по сцене с развязностью Мика Джаггера, воплощая собой сам секс. Но я не сводила глаз с Лоры, Дюймовочки с глазами Бэмби, которая превращалась в настоящего зверя рядом со своими барабанами. Волосы прилипли к лицу. Мокрая футболка задралась, оголив плоский живот.

Толпа приняла группу очень тепло, но к четвертой песне я уже ничего не слышала от волнения и постоянно оборачивалась в поисках старшей сестры, надеясь, что она вот-вот появится за спиной и закроет мне глаза ладонями. Но ее нигде не было.

Затем, ближе к концу концерта, кое-что произошло.

На сцене Виви вдруг перестала играть и опустила руки. Затуманенным взглядом она смотрела куда-то в толпу за моей спиной. Я обернулась, пытаясь понять, что именно привлекло ее внимание, но в клубе было слишком темно и многолюдно. Лора и Кэндис обменялись недоумевающими взглядами и попытались привлечь внимание подруги – впрочем, абсолютно безуспешно. Виви застыла, широко распахнув глаза и хватая ртом воздух. Кэндис, не переставая петь, пересекла сцену и легонько подтолкнула ее локтем. Виви потрясенно заморгала и принялась мотать головой. Затем поймала мой взгляд. По ее щеке текла слеза.

Тогда мне стало очевидно: случилось нечто ужасное.

Виви сглотнула и снова взялась за свой инструмент. Группа исполнила еще две песни, но моя сестра играла механически и одну за другой допускала ошибки. Когда толпа вызвала музыкантов на бис, перед ней появились лишь Кэндис и Лора. Я с трудом протиснулась к выходу и проскользнула за сцену. Зажав голову между коленей, Виви затягивалась сигаретой так, словно к ней был подключен баллон с кислородом.

– О боже, – проронила я, бросилась к раковине и, намочив полотенце, обмотала ее голову с ежиком коротких светлых волос.

– Что за чертовщина здесь творится? С тобой все нормально?

– Я не знаю. Не знаю. – Из ее открытого рта на пол капнула слюна. – Наверное, у меня была паническая атака.

– Ты ведь что-то увидела?

Виви покачала головой.

– Точно увидела, – настаивала я. – Что это было?

Сестра выпрямилась. Ее губы были бледно-голубыми, а на коже выступили капельки пота.

– Человек. То есть не человек. А… чувак с бычьим черепом на голове.

Я вскочила и схватилась за свой телефон.

– Надо вызвать копов.

– Что? Нет. Айрис, серьезно? Было темно. Наверное, это просто глюк…

– Я тоже видела его сегодня. Дважды. Он приходил в школу. Высокий мужик без рубашки, в костюме разлагающего минотавра.

– Что?

– То самое. Значит, это не галлюцинация. Очередной чокнутый фанатик из интернета пытается напугать нас, как та женщина, которая влезла в дом, когда мы были маленькими. Я этого так не оставлю.

Виви нахмурилась.

– Айрис… ты ведь знаешь, что это не так, да?

Я колебалась.

– Пожалуй, нет.

– Я почувствовала… его запах. Это трудно объяснить. Но он показался мне знакомым.

Я долго смотрела на нее, не отрываясь, а затем перевела взгляд на свой телефон. Никаких сообщений от старшей сестры.

– Где Грей, Виви? Почему она не здесь?

– Не знаю.

– Грей так не поступает. Если обещала что-то сделать, обязательно сделает. Мне это не нравится. И раз она не явилась к нам, значит, мы сами отправимся ее искать.

Глава 5

Лора и Кэндис все еще были на сцене, когда мы тихо покинули «Джаз Кафе» через боковой выход и поспешили к многолюдной станции Камден-таун, постоянно оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что никто (или ничто) нас не преследует. Виви никак не могла успокоиться. В вагоне она дышала через прижатые к лицу ладони, чтобы прийти в себя. И только через несколько остановок ее лицо приобрело нормальный цвет, а на лбу перестали появляться бисеринки пота.

Мы вышли из метро на Лестор-сквер[21 - Пешеходная площадь в Лондоне.]. Здесь Виви было видно издалека. В Камдене ее татуировки и пирсинг выглядели уместными, но среди толпы туристов, сетевых ресторанов и киосков, продающих билеты на «Матильду» и «Супер Майка», она выделялась.

Мы направились к дому, где Грей год назад купила квартиру. Она дала нам код от двери, но так редко появлялась в Лондоне, что ни я, ни Виви еще ни разу ее там не навещали. Пока мы поднимались на лифте, в моей голове, словно кадры кинопленки, всплывали образы, один ужаснее другого: Грей лежит на полу в ванной, убитая мужчиной с бычьим черепом. Однако, когда мы вошли внутрь, там было чисто, просторно и пусто. Никаких признаков присутствия людей. Свет городских огней проникал сквозь французские окна, выходящие на Темзу. В отдалении медленно вращался «Лондонский глаз».

И ничего странного. Казалось, в квартире вообще никто и никогда не жил. Пара книг о моде, но никаких книжных шкафов, переполненных сборниками мрачных сказок, которые Грей так любила. Сияющая белизной и мрамором кухня с полами из полированного бетона – никакого дерева, никакого тепла, никакой еды. В воздухе витал запах чего-то горького: смесь отбеливателя и аммиака. Вся мебель выглядела так, будто была подобрана дизайнером интерьера для фото в разделе «Вог», где пишут о роскошных домах знаменитостей.

Совсем непохоже на Грей. Она мыслила хаотично. В детстве в ее комнате никогда не бывало прибрано. Носки вечно терялись. И опаздывала она минимум на пятнадцать минут. В жизни нашей старшей сестры не было места порядку. Она, девушка-торнадо, проносилась по миру, оставляя за собой следы разрушений. По крайней мере, такой она была в семнадцать. Возможно, статус дизайнера и супермодели изменил ее, но поверить в это очень трудно. Мы с Виви передвигались по квартире в гробовой тишине, пробегаясь кончиками пальцев по вещам Грей. Диваны, зеркала, часы и шкафчики. Казалось, вот так вторгаться в чужое пространство просто незаконно. Словно за любой распахнутой дверью, в

любом выдвинутом ящике можно было найти аккуратно сложенной обнаженную душу сестры.

По моей спине пробежал холодок.

Внезапно я вернулась в свои десять лет, период одержимости старшей сестрой. Тогда спальня Грей казалась мне едва ли не святыней, местом поклонения, куда я пробиралась, стоило стражу покинуть свой пост. Если она выходила из дома на пару часов, мне не терпелось попасть внутрь и начать исследование. Я позволяла себе такое, только если знала, что времени достаточно и можно насладиться этим опытом не торопясь. Больше всего мне нравилась ее косметичка: бездонная сокровищница, полная сияния и блеска, который оставлял на моих губах липкие мерцающие следы. Мне хотелось пожить в ее коже и узнать, каково это – быть прекрасной и загадочной Грей Холлоу.

Но эта квартира не могла быть домом той сестры, которую я знала. Вовсе не такое место она описывала, мечтая о побеге. Я была уверена, что это какое-нибудь тихое тайное убежище в Будапеште или Праге. Место, где все затянуто в бархат и украшено латунью. Виви всегда просила, чтобы там была библиотека. А мне хотелось, чтобы на кухне и в ванных пол был отделан черно-белой плиткой, как во всех моих домах из игры «Симс». В тринадцать это казалось мне верхом элегантности.

Здесь же ничего подобного не обнаружилось.

– Тут как будто декоратор мастурбировал, – сказала Виви, постукивая пальцами по краю ванны, – кончил на все подряд.

– Мерзко.

– Зато точно. На Грей это непохоже. Видимо, она просто кому-то заплатила. Или так, или в нашу сестру вселился оборотень-рептилоид.

– Не знала, что оборотни-рептилоиды славятся особым талантом по части дизайна интерьера.

– И поэтому масоном тебе не быть.

Спальня напоминала номер роскошного отеля: современная, шикарная и бездушная. Идеально заправленная кровать и никаких личных вещей. Ни расчески, ни фотографии. Я открыла дверь в гардеробную. Здесь тоже все было до отвращения аккуратным. Рядами стояли ни разу не надетые туфли, яркие и сияющие. Я провела рукой по одежде. Пайетки, тяжелый бархат, шелк – все невероятно дорогое. Оскар де ла Рента, Вивьен Вествуд, Лисаап, Эли Сааб, Грей Холлоу.

Виви вытащила откуда-то брюки из змеиной кожи.

– Вот видишь, теория с рептилоидом подтверждается.

– Кажется, здесь давным-давно никого не было.

– Кажется, здесь никогда никого не было.

– Наверное, у нее есть домработница или вроде того?

Виви провела пальцем по одной из полок и не обнаружила ни пылинки.

– Похоже на то. Грей у нас не такая чистюля.

– И что будем делать? – спросила я.

Виви пожала плечами.

– Не знаю, стоит ли нам волноваться. Может, она так и не прилетела из Парижа.

Я вновь взглянула на гардероб Грей. Платье из зеленого тюля, в котором она запечатлена в клубе «Кукушка» на фото в ее инстаграме пятидневной давности, тоже висело здесь. Аккуратное и безжизненное, лишенное ее тела.

– Если она в Лондоне, думаю, я знаю, где ее искать.

Все это напоминало какой-то священный ритуал. Похоже, я ждала его всю свою жизнь. Сидеть на ее месте, краситься ее косметикой, надевать ее одежду. Стать

Грей.

Мы копались в ее гардеробе и примеряли ее наряды. Даже у Виви, на которую одежда без дыр и металла не производила обычно никакого впечатления, перехватило дыхание от перспективы неограниченного доступа к гардеробу старшей сестры. Мы примеряли одну вещь за другой. В конце концов я остановилась на коротком золотистом платье и пальто из зеленого шелка, который скользил по коже словно паутина. Виви выбрала кроваво-красный комбинезон с узкими брюками и дополнила образ помадой в тон. Ежик светлых волос она пригладила мерцающим гелем.

Из такси, которое везло нас в «Кукушку», мы снова и снова набирали номер Грей, все еще уверенные, что волнуемся напрасно и она вот-вот ответит на сообщения. Тогда мы могли бы провести остаток недели, посмеиваясь над собственной глупостью. Но Грей так и не ответила. Сообщения также остались непрочитанными.

На Риджент-стрит мы выбрались из машины и прошли через массивную затененную арку во внутренний двор, где располагался знаменитый модный клуб. Улицу освещали сказочные огни. Около ресторанов сбились в стайки под наружными обогревателями запоздалые посетители. Очереди в клуб не было. Дверь оказалась непримечательной, без каких-либо опознавательных знаков. Впереди нас шла пара. Они позвонили в дверь, и та тут же приоткрылась на дюйм, выпуская наружу неоново-розовый свет и электронную музыку. Они тихонько поговорили с тем, кто им открыл, и вынуждены были уйти.

Следующими к двери подошли мы с Виви. Я нажала на звонок. Дверь открыла миниатюрная светловолосая женщина с кошачьими глазами.

– Sur la liste?[22 - В переводе с французского: «Вы в списке?».] – спросила она. А когда присмотрелась повнимательнее, рот ее слегка приоткрылся. Мы выглядели призраками Грей, и не узнать нас было невозможно.

– Ее здесь нет, – произнесла блондинка по-английски с таким сильным акцентом, словно у нее опух язык.

– Ты знаешь, где она? – спросила Виви.

– Я сказала вчера вашему другу… я ее не видела.

– Кто-то еще ее искал? – спросила я. – Кто?

Лицо женщины потемнело.

– Мужчина. Странный человек, от которого пахло… пожаром и смертью.

Мое сердце замерло. Я вспомнила женщину, которая много лет назад пробралась в окно спальни и срезала локон волос с моей головы. Потом мужчину, который пытался затащить Виви в свою машину после того, как прочитал о ней в интернете.

– Он говорил, зачем ее ищет? – настаивала я. – Чего он хотел?

Женщина покачала головой.

– Я его не впустила. Он был… Его глаза… Черные, как чернила. Он меня напугал.

Мы с Виви обменялись взглядами. Нам срочно нужно найти сестру.

– Мы хотим поговорить вот с этим парнем. – Я показала блондинке фотографию бойфренда Грей. – Тайлер Янг, он здесь?

– Да, но сегодня в клубе закрытое мероприятие, – ответила она, чуть поколебавшись. – Если вас нет в списке, я не могу…

– Мы никому не расскажем, и ты – тоже, – промурлыкала Виви. Она прижала палец к губам женщины, а больше ничего и не требовалось. Блондинка закрыла глаза, ощутив это прикосновение, сбитая с толку и опьяненная запахом кожи моей сестры. Не открывая глаз, она открыла рот и пососала палец Виви.

Я и раньше видела подобное, и сама так делала пару раз. Хотя эта сила ужасала меня. Люди нас хотели, и мы могли делать с ними все что угодно.

Когда женщина открыла глаза, зрачки у нее были расширены, а в дыхании появились нотки меда и гниющего дерева. Виви погладила ее по щеке, затем подалась ближе и прошептала:

– Ты хочешь нас впустить.

Блондинка не медля открыла дверь. По ее лицу блуждала улыбка, а взгляд не отрывался от Виви. В лиловом свете вестибюля я видела то же, что и она: как невыносимо прекрасна была моя сестра. Худенькая и угловатая, она напоминала рапиру, тогда как Грей была, скорее, палашом[23 - Холодное оружие с широким к концу, прямым и длинным клинком.].

– Нельзя это делать, – произнесла я, когда мы двинулись вперед по коридору на звуки музыки. Мощные басы отдавались в моей грудной клетке.

– Делать что? – спросила Виви.

– Что бы это, черт возьми, ни было.

Если верить инстаграму Грей, этот клуб – ее любимое заведение. Помещение было залито неоновым розовым светом. Для сегодняшнего мероприятия потолок украсили целым лесом веток цветущей вишни, которые свисали прямо на танцпол. Большие ведерки с «Дон Периньон» с мерцающими в темноте этикетками отбрасывали на столики мягкий зеленый свет. Бар из золота и стекла обрамляли тяжелые бархатные портьеры лилового цвета. Напитки подавали в высоких, невероятно элегантных бокалах, которые удивительно шли высоким, невероятно элегантным женщинам, державшим их. Гости в основном принадлежали к индустрии моды: дизайнеры, фотографы, манекенщицы. Были среди них и знаменитый рэпер, пара актеров из культового американского телешоу для подростков и светская львица, дочь легендарного британского рок-музыканта. Многие кидали на нас удивленные взгляды и тихо перешептывались с соседями.

– Только держи ухо востро, когда будем с ним говорить, – попросила я Виви.

– Как ты узнала, что он здесь?

– Грей все время здесь тусуется. И Тайлер – вместе с ней. Я видела фото.

Тайлер Янг был британцем корейского происхождения. В мире моды восхищались тем, как, создавая собственный стиль, он с легкостью стирал границы полов. Свое покрытое многочисленными татуировками тело он облачал в самые вызывающие наряды: цветастые костюмы от «Гуччи», сшитые на заказ кружевные блузы, нити старинного жемчуга, рубашки с объемными бантами и лоферы на каблуках. Глаза всегда были подведены, а на губы и веки он наносил пигмент ярких леденцовых цветов.

Ориентация Грей вызывала бурные дискуссии, но в итоге правды не знал никто. Встречалась ли она с моделью «Виктории Сикрет» или с прославленным голливудским актером. Но мы-то с Виви точно знали, что Грей гетеросексуальна. Она всегда предпочитала мужчин, так же как Виви всегда тянуло к женщинам.

Для меня в этом отношении никакой определенности не было. Мой первый поцелуй случился во время игры в бутылочку на вечеринке у Дженнифер Вейр. Губы у Жюстин Хан были нежными и пахли блеском для губ и ванильной глазурью. Предполагалось, что это лишь невинное развлечение, но внутри меня что-то вдруг зажглось. В груди будто засверкал диско-шар, вызывая странный непрекращающийся голод, из-за которого захотелось пробежаться пальцами по ее коротким тогда волосам и прижаться к ней бедрами. Тогда и подтвердилось то, что я давно в себе подозревала. Она в тот момент целовала меня снова и снова, настойчиво и страстно, до тех пор пока я не попыталась оттолкнуть ее. Тогда Жюстин опрокинула меня на пол и до крови прикусила мне губу, а в мои плечи впились ее ногти. Я пыталась спихнуть ее. Наконец остальные девчонки поняли, что игра вышла из-под контроля, и оттащили Жюстин, которая брыкалась и пускала пену изо рта. Со временем девчонки в школе перевернули эту историю и рассказывали, будто это я укусила их подругу и вцепилась в нее. Чокнутая ведьма, которая пыталась укусить ее в лицо. И все же из двух поцелуев, что у меня были, этот оказался наименее пугающим.

– Вот он, – произнесла Виви, кивком указав куда-то в глубину зала.

Тайлер сидел в затянутой розовым бархатом кабине, зажатый между поп-звездой и супермоделью. Поблизости ошивалась бывшая звезда диснеевских проектов. Она старалась найти способ вклиниться в разговор.

Понятно, почему Тайлер так нравился Грей. Копна черных волос, затянутых узлом на макушке, четко очерченная волевая челюсть и сильные руки, сплошь покрытые татуировками. Этим вечером его карие глаза были подведены черным, а губы – покрыты зеленым блеском. На нем были полупрозрачная лиловая блуза и брюки с высокой талией, которые были популярны у мужчин в 20-х. Свечение «Дон Периньон» придавало его коже некое сходство с абсентом. Его окружали красивые женщины, но сам Тайлер Янг, как и Грей, был просто ошеломителен.

Я облизнула губы.

– Черт, это та, кто я думаю? – спросила Виви, окидывая взглядом супермодель. – Ангел «Виктории Сикрет», да? Слышала, она недавно рассталась со своей девушкой.

– Ты можешь думать о чем-нибудь другом? – ответила я. – Мы расследуем таинственное исчезновение сестры. Сейчас не время для твоих интрижек.

– Сказала девушка, истекающая слюной, глядя на Тайлера Янга, бойфренда той самой пропавшей сестры.

– Никакой слюной я не истекаю.

– Ну, ртом-то нет…

– Как грязно.

– Зато по факту.

В этот момент Тайлер наконец нас заметил. На несколько секунд мы встретились взглядами.

– М-м-м… похоже, он не очень-то рад нас видеть, – заявила Виви.

Выражение лица парня мгновенно стало кислым. Какое-то время он смотрел на нас не отрываясь. Глаза потемнели, челюсть плотно сжалась. Затем Тайлер поманил нас к себе тонким изящным пальцем.

– Похоже, он нас так приглашает, – сказала я.

– Что ж, большего нам и не нужно, – отозвалась Виви и, отодвинув меня в сторону, направилась прямо к супермодели. Бесстыдница. Однако, когда мы приблизились к столику, Тайлер что-то тихо сказал, и обе женщины, поднявшись с места, направились к бару, похожие на двух богинь, облаченных в лунный свет.

– Нет-нет, куда это они уходят? – запротестовала Виви, провожая взглядом удаляющихся красоток.

Мой телефон завибрировал. Я взглянула на экран. Сообщение было от матери, не от Грей. Черт. Со всей этой паникой и поисками старшей сестры я совсем забыла про свой комендантский час.

«Скоро будем дома», – написала я Кейт и перевела телефон в авиарежим так, чтобы не дать ей возможности объявиться в клубе и забрать меня домой.

– Маленькие Холлоу, – сказал Тайлер, переводя взгляд с меня на Виви и обратно. – Кто же еще.

– Мы сестры Грей, – пояснила я, усаживаясь рядом.

– Если она прислала вас, чтобы извиниться, учтите: я не хочу ничего слышать.

– Извиниться за что? – спросила Виви.

– О, ну, например, за то, что она – распутная и лживая ведьма.

Виви подняла бровь, я стиснула зубы. Это слово мы обе терпеть не могли.

– Мы здесь потому, что не можем найти Грей, – объяснила она. – И волнуемся, потому что, похоже, сестра исчезла.

Тайлер рассмеялся, впрочем, совершенно невесело.

– Никуда она не пропала.

– Когда вы последний раз виделись? – спросила я.

– Не знаю, пару дней назад, когда поссорились. С тех пор я ее вроде не видел.

– Вы расстались? – спросила Виви.

– Да.

– Почему? Вы что, поссорились? Обычно люди так просто не расстаются.

Виви сжала челюсти. На ее лице все еще блуждала призрачная улыбка, но взгляд стал жестким. Она готовилась к удару.

– Ты вышел из себя? – В ее исполнении вопрос звучал словно попытка флирта. – Ты ударил ее?

Тайлер принялся помешивать напиток в своем бокале.

– Мне не нравится, куда ты клонишь.

Он попытался встать, но Виви схватила его за воротник и усадила на место. Потом придвинулась ближе и положила ногу на его бедро. Со стороны все выглядело как заигрывание, а не угроза.

– Ты первый, к кому придет полиция, как только мы туда обратимся, – прошептала Виви на ухо Тайлеру. Я выпрямилась при слове «полиция». Сестра блефует. Это точно. Все ведь не так серьезно. Правда же? – Бывший парень – главный подозреваемый, ты же знаешь. Лучше расскажи нам, что произошло. – Она коснулась его щеки, но магия, которая с легкостью околдовала блондинку на входе, с ним почему-то не сработала.

«Знаешь, он особенный, – как-то сказала мне Грей. – Ты все поймешь сама, когда вы познакомитесь». Может, она это имела в виду?

Тайлер выглядел не менее испуганным, чем я.

– Воу, полиция. Зачем ее к этому привлекать?

– Потому что мы не можем найти ее, идиот, – ответила Виви. – Грей вне зоны доступа. А местный администратор сказала нам, что ее искал какой-то странный чувак. Вдруг с ней что-нибудь случилось?

– Грей постоянно исчезает. Ничего нового.

– В каком смысле? – спросила я.

– На несколько дней она просто испаряется с поверхности земли, ясно? Не отвечает на звонки, не является на работу, свидания, примерки. Все давно к этому привыкли. Это часть ее тайны: придет она сегодня или нет. Очень интригует, конечно, но не в случае, если ты ее парень. Тогда это полный отстой. Фиговая подружка получилась из вашей сестры.

– Не смей так о ней говорить, – вскинулась Виви.

– Почему это? Если бы я что-то с ней сделал, разве стал бы плохо о ней отзываться? Нет уж, послушайте: встречаться с Грей было отстойно. Подозреваю, что у нее был кто-то еще, поэтому мы с ней и разошлись. И сейчас она наверняка с ним.

– Грей тебе изменяла? – спросила я.

Непохоже на нее. Грей была дикой, это верно. Но уж точно не легкомысленной… не с сердцами других людей.

– Ну, она так и не призналась в этом. Но что еще я должен думать? Куда она постоянно исчезает? И даже когда она была здесь, со мной она находилась всего наполовину… и то если повезет. Мы были вместе год, а я так почти ничего и не узнал о том, кто она на самом деле. У нее слишком много секретов. Это как второе дно у чемодана. Чего стоит одна эта оккультная хрень.

Мы с Виви обменялись взглядами. Тайлеру удалось привлечь наше внимание, и он это почувствовал.

– О, полагаю вы знаете о ней немного больше, чем я? – спросил он. – Понимаю. Меня она в свою квартиру пустила лишь раз. И это самое странное место, которое я когда-либо видел. Там полно всякой непонятной фигни: чучела, темная магия. Грей мнит себя какой-то ведьмой.

– Мы только что были у нее в квартире. И там нет ничего подобного, – запротестовала я.

– У всех свои секреты, маленькая Холлоу. Похоже, ваша старшая сестричка скрывала от вас больше, чем вы думаете.

Тот факт, что Грей все еще интересовалась оккультизмом, меня не удивил. Это увлечение оставалось с ней все школьные годы. Ей нравилось все темное и опасное: мужчины постарше, наркотики, спиритические сеансы на кладбищах, тяжелые книги в кожаных переплетах, которые пахли шоколадом и содержали заклинания, призывающие демонов.

– Из-за чего вы поссорились последний раз? – спросила Виви.

– Я видел, как из ее квартиры вышел мужчина, – ответил Тайлер. Мы с Виви вновь обменялись взглядами. – И это стало последней каплей.

– Он… – начала Виви. – Э-э-э… как бы это сказать… Не был ли он случайно похож на минотавра, у которого содрали мясо с костей?

Тайлер уставился на нее в недоумении, но через несколько мгновений улыбнулся.

– Ладно, маленькие Холлоу, думаю, нам больше не о чем говорить. – Он залпом допил содержимое бокала и накинул на плечи свой бархатный пиджак. – Когда найдете Грей, передайте, что я ее ненавижу.

С этими словами Тайлер поднялся и ушел.

Глава 6

Не успела я включить телефон, выйдя из клуба, как мне посыпались уведомления. Семь пропущенных звонков и дюжина сообщений: все от матери.

– Черт, – прошептала я, набирая номер Кейт с бешено колотящимся сердцем и всепоглощающим чувством вины, – мама меня убьет.

– Айрис! – мгновенно отозвалась Кейт. В ее голосе звучала паника. Мое сердце болезненно сжалось.

– Мне очень-очень жаль. Я в порядке. Мы уже на пути домой.

Вслед за Виви я шагала к метро. Холод был настолько пронизывающим, что отдавался болью в ногах. Кожу покалывало.

– Как ты могла так поступить со мной? – кричала мама. – Как ты могла?

– Прости, прости. Со мной все в порядке.

– Я же на работе. Уже хотела звонить в полицию.

– Со мной все в порядке, мама!

Я не хотела, чтобы это прозвучало так резко. Просто сорвалось с языка.

В трубке слышалось тяжелое дыхание Кейт.

– Пожалуйста, не называй меня так, – быстро проговорила она. – Ты же знаешь, что мне это не нравится.

– Прости.

– Немедленно отправляйся домой.

– Мы уже едем. Будем там через полчаса. Напишу тебе, как только доберемся.

Я отключилась. От холода пальцы онемели так, что с трудом сгибались. Было сложно вернуть телефон в карман пальто. Виви бросила на меня неодобрительный взгляд.

– Айрис.

– Только ничего не говори.

– Что Кейт будет делать в следующем году, когда ты поступишь в университет, а? Отправится в Оксфорд или Кэмбридж вслед за тобой?

– Ну, мы присматриваемся к кое-каким местам, и она подыскивает там работу.

– Надеюсь, ты шутишь?

– Мы не собираемся жить вместе. Просто поблизости. Так, чтобы можно было время от времени видеться и она не чувствовала себя…

– Айрис.

– Слушай, тебе легко читать нотации. Тебя никогда нет. А я – все, что у нее осталось. Ясно? Мне приходится быть смыслом ее жизни. Каждый день.

На долю Кейт Холлоу и так выпало слишком много печали и страданий. Ее родители внезапно погибли. С детьми произошло нечто ужасное. Муж потерял разум и волю к жизни. А затем старшие дочери очень рано ушли из дома и прекратили с ней общаться. Мне было совершенно непонятно, почему сестры относятся к ней как к чужой – Кейт ведь всего лишь хотела чувствовать себя нужной.

– Кроме меня, у нее ничего не осталось, – повторила я, на этот раз мягче.

Меньшее, что я могу для нее сделать, – позволить следить за мной через приложение и заплетать мне волосы так же, как в детстве.

– Это очень тяжелая ноша, – отозвалась Виви, – быть для кого-то всем.

– Да, пожалуй. Тебе повезло, что не ты ее несешь.

Виви положила мне руку между лопаток. Сквозь шелковую ткань ощущались тепло ее кожи и некая сила, связывающая нас. Кровь от крови. Плоть от плоти.

Ком в горле, вызванный недавней паникой, начал таять.

– Идем, малышка, – сказала Виви. – Нужно доставить тебя домой.

По северной ветке мы отправились назад в Голдерс Грин. Ночные пассажиры жадно пялились на мои голые ноги и ключицы. Я чувствовала себя куском мяса, на который вот-вот кто-нибудь набросится, чтобы обглодать до костей. И от этого ерзала на сиденье, стараясь натянуть короткую юбку хоть немного пониже. Поезд подрагивал и дребезжал. От женщины, сидевшей рядом со мной, пахло сладким алкоголем и фруктами. В окнах на противоположной стороне вагона отражалось вместо меня странное существо: обычная Айрис и ее перевернутый образ, сросшиеся головами, словно сиамские близнецы. Два носа, два рта и одна пара глаз, пустых черных провалов, которые из-за оптической иллюзии казались непомерно большими.

Мы с Виви направились знакомой дорожкой домой. Мимо красных двухэтажных автобусов на выходе со станции, вдоль длинной прямой улицы, обрамленной низкими зданиями, в которых уже погас свет. Мы всегда ходили этим путем, хотя дворами было бы короче. Зато центральная улица лучше освещалась и не была такой пустынной. Нам слишком хорошо было известно, что может случиться с девочками ночью на темной улице. Потому что с нами такое уже было.

К тому же это известно всем девочкам.

В эту ночь давняя угроза казалась необыкновенно близкой. Каждую пару шагов мы оборачивались, дабы убедиться, что позади никого нет. На балконе одного из многоквартирных домов курила пожилая женщина в пальто поверх ночнушки. Она проводила нас пустым взглядом. Вспомнит ли она об этом, случись нам этой ночью так и не вернуться домой, встретив по дороге рогатого мужчину? Что она скажет полицейским, если они постучат в ее дверь в поисках свидетелей? «Они казались встревоженными, одеты были не по погоде, сильно торопились и постоянно оглядывались, словно их кто-то преследовал. О чем они только думали, когда так одевались?»

Мы повернули налево и оказались на своей улице. Она была темнее из-за обрамлявших ее голых деревьев, которые в тусклом свете напоминали монстров.

Тот человек, кем бы он ни был, знал маршрут, которым я бегаю по Хампстеду каждое утро.

Он знал мою школу.

Знал, где будет концерт Виви.

И определенно ему было известно, где мы живем.

После того как мы заперли за собой дверь, я отправила сообщение Кейт, давая ей знать, что мы в безопасности. Виви прошлась по дому, проверила все окна и двери. Мы скинули роскошные наряды Грей и облачились в пижамы (после дизайнерской шерсти и шелка их ткань казалась очень грубой). А затем устроились, скрестив ноги, за кухонным столом и набросились на кастрюльку с пастой, которую Кейт оставила в холодильнике. Саша принялась мяукать, выпрашивая еду, хотя была уже накормлена.

Вестей от Грей по-прежнему не было. Я снова набрала ее номер. Безрезультатно. Сообщение тоже не было доставлено. Мы решили подождать еще одну ночь, а затем обратиться в полицию. Мы не заметили в ее квартире следов борьбы. К тому же сестра всегда была легкой на подъем. Возможно, сейчас она на яхте где-нибудь посреди Карибского моря, а сеть на телефоне не ловит.

То, что нас преследует какой-то странный чувак, а ее разыскивал некий мужчина с черными глазами, от которого пахло смертью, вовсе не означает, что с Грей

обязательно случилось нечто плохое. «Я и есть опасность. Я то, что таится в темноте», – однажды сказала она. Нет никаких оснований ей не верить.

– Как думаешь, почему мы такие странные? – спросила я у Виви за едой. – Почему мы умеем делать все эти непонятные вещи?

– Например? – отозвалась Виви с полным ртом пасты.

– Заставлять людей делать то, что мы хотим, и все такое.

– Разве это странно? Мне кажется, это нормально.

– Но другие люди этого не могут.

– Могут, конечно. У других людей тоже есть странности, только они об этом не рассказывают. Такие, как мы, существовали всегда, Айрис. Просто вспомни исторические книги и фольклор: ведьмы, медиумы, виккане[24 - Последователи религии, основанной на почитании природы.]. Называй как хочешь. Мы связаны с миром и друг с другом как-то по-другому. Возможно, мы особенные, но точно не первые такие.

Я покачала головой.

– С нами что-то не так, иногда я это чувствую.

Именно поэтому я похоронила себя среди книг по программированию и робототехнике так, чтобы оставалось меньше пространства для этих наших особенностей. Чтобы это нечто не могло проникнуть внутрь меня. Уверена, другие (люди вроде Жюстин Хан и Дженнифер Вейр) тоже это чувствовали. Возможно, они не зря были жестоки со мной. Вот почему я и не сопротивлялась. Видимо, какая-то часть меня верила, что я заслуживаю всего этого.

– Внутри нас что-то сломанное, испорченное. Думаешь, это существо – чувак с бычьим черепом… Думаешь, он как-то связан с тем, что произошло с нами раньше? Может, он вернулся, чтобы завершить начатое? – Я протянула руку и пробежалась кончиками пальцев по шраму на шее сестры, скрытому теперь среди элементов витиеватого узора. – Кто может порезать горло маленьким

девочкам?

Виви медленно жевала, не сводя с меня глаз.

– Думаю, нам пора спать.

Не проронив больше ни слова, она выскользнула из кухни.

Я почистила зубы и выполнила кое-что из пропущенной работы в классе. Жаль, что прошли времена, когда я приходила в ее старую спальню и, увидев Виви, свернувшуюся калачиком на детской одноместной кровати, ложилась рядом. Резкий запах парфюма выветрился, уступив место естественному аромату сестры: травянистому и сливочному. Я стерла с ее щеки размазавшийся карандаш для глаз. Ни одна из нас не умела спать красиво. Все острые углы, которые придавали нам привлекательности днем, уступали место провисшей челюсти и струйкам слюны, как только голова касалась подушки. Мы целый месяц соревновались, у кого получится самая забавная фотография на эту тему.

Я погладила Виви по щеке и почувствовала укол тоски, вспомнив те годы, когда мы были вместе, еще не разделенные странами, часовыми поясами, карьерами и личной жизнью.

Кончики моих пальцев легонько надавили в то место на ее шее, где под кожей ощущался пульс. Детьми мы всегда спали именно так, положив ладони друг другу на шею, чтобы ощущать ритм сердцебиения, и образуя запутанное сплетение запястий, рук и шей. Многие годы я не могла уснуть, не ощущая пульса обеих сестер под своими пальцами, но они выросли и ушли из дома. И тогда ко мне вдруг пришло осознание, что в мире есть вещи и пострашнее тех монстров, что населяли мои сновидения.

«Грей, – так началась моя беззвучная молитва. Где бы она ни была, уверена, сестра меня услышит, – надеюсь, с тобой все хорошо».

Как всегда, я проснулась до рассвета, написала матери сообщение, проверила свое приложение Find Friends и отправилась на пробежку по Хампстед-Хит, проклиная римлян за то, что поселились в таком жалком и мокром месте. Снова шел дождь. А как иначе? Это ведь Лондон. Он смыл странную атмосферу вчерашнего вечера, и все же я старалась придерживаться главных улиц и избегать зарослей и лесистой местности, где вчера встретила мужчину. В какой-то момент стало тяжело дышать, тело умоляло меня остановиться, но я продолжила. Все это время я сжимала в ладони телефон в надежде, что Грей позвонит или напишет, но никаких новых уведомлений не появлялось.

Когда я вернулась домой, Кейт, одетая в свой хирургический костюм, уже готовила завтрак. Виви вновь сидела на кухонном столе, свесив длинные ноги и закидывая в рот помидорки черри.

– Гляди, кого я нашла, – произнесла Кейт, увидев меня.

– Возвращение блудной дочери, – произнесла Виви, широко раскинув руки и глядя вдаль, словно Иисус на знаменитом полотне времен Ренессанса.

– А ты знаешь, что «блудный» расшифровывается в словаре как «распутный и безнравственный»? – спросила я по пути к холодильнику, где собиралась взять молоко.

Виви опустила руки.

– А я думала, это значит «любимый». Пожалуй, продолжу так думать. Налей и мне тоже, – добавила она, увидев в моих руках стакан.

– Пожалуйста, – добавила Кейт по привычке.

– Пожалуйста, – покорно повторила Виви.

Я передала ей стакан молока и уселась завтракать. Кейт приготовила омлет.

У Виви отношения с матерью складывались лучше, чем у нашей старшей сестры. Кейт всегда проявляла гиперопеку. А как иначе она могла вести себя после того, что случилось? Грей воспринимала это как угрозу своей личной свободе. А Виви

просто не напрягалась, потому что никогда не соблюдала правила матери. Если они ссорились, Виви обычно извинялась открытками и завтраком в постель.

Они были очень разными людьми, которые жили разной жизнью, интересовались разными вещами, но каким-то образом, несмотря на то что обе считали друг друга ненормальными, им всегда удавалось находить нечто общее. Раз в месяц они болтали по телефону, постоянно поддразнивали друг друга. Кейт посылала Виви ссылки на сайты клиник, где можно удалить татуировки. Виви отправляла Кейт фото людей с надрезанным языком и заточенными зубами с пометкой «Как думаешь, мне пойдет?». Когда наша средняя сестра присылала матери записи новых треков, та обычно отвечала что-то вроде «Кажется, ты прикрепила не тот файл. На этом кто-то мучает кота». Они всегда дурачились, и это выглядело мило.

– Есть новости от Грей? – спросила я.

Виви покачала головой.

– Кейт считает, что нам незачем волноваться.

– Грей в состоянии о себе позаботиться, – прокомментировала мать. От того, как она произнесла эти слова, даже не подняв головы от своих занятий, мне захотелось поджать губы.

Перед моим мысленным взором снова предстала та ночь, когда Грей ушла из дома. Мать и сестра тогда уже много месяцев не ладили, постоянно пререкаясь из-за времени возвращения домой, бойфрендов, вечеринок и алкоголя. Грей осознанно нарушала все границы, проверяя, как далеко ей позволят зайти. Однажды вечером она заявилась домой мертвецки пьяной, и ее стошнило прямо на пол в кухне.

Кейт пришла в ярость и накричала на нее. Грей тогда была семнадцатилетним подростком, полным ярости и свирепости, словно под кожей у нее бушевала гроза. Когда мать рявкнула, старшая сестра схватила ее за горло, прижала к стене и что-то прошептала прямо на ухо. Всего одно мгновение. Очень тихо. Очень коротко. Я ничего не расслышала. Кейт была спокойна, но от того, что сказала Грей, ее словно током прошибло. Она напоминала дерево, пораженное молнией. Секунду назад это была обычная женщина, но вот наружу вырвалось

нечто дикое. Мать с такой силой ударила Грей по лицу, что разбила ей губу. На стене в том месте еще остались три маленьких пятнышка крови.

– Убирайся из моего дома к чертовой матери, – приказала Кейт низким ровным голосом. – И никогда, никогда, слышишь, не возвращайся.

Я едва не задохнулась, глядя на них. Годами после того, как разум нашего отца помутился, я боялась его. Думала, что он может задушить нас во сне. Нередко просыпаясь среди ночи, я замечала его около своей кровати. Он тихо шептал: «Кто же ты?». Но даже когда папа окончательно слетел с катушек, он ни разу и пальцем нас не тронул.

И вот передо мной стояла Кейт Холлоу, миниатюрная спокойная женщина, которая вдруг сделала что-то настолько грубое, жестокое и непростительное. Понятия не имею, что же такого ей сказала Грей, отчего мама могла так выйти из себя.

Сестра не плакала. Она стиснула челюсти, собрала сумку и сделала то, что приказала ей мать. Ушла из дома и вернулась лишь однажды, чтобы забрать свои вещи. С той ночи они больше не разговаривали друг с другом. Вот уже четыре года.

– Может, нам стоит позвонить в полицию? – предложила я. – Может, мне не ходить в школу сегодня?

Мысль показалась мне чрезвычайно привлекательной, ведь Джей-Джей после того, что случилось прошлым вечером, наверняка приготовили для меня новое издевательство.

– Ты пойдешь в школу, – произнесла Кейт, указывая пальцем то на меня, то на Виви. – Сбежать с уроков, чтобы провести день со своей негодницей сестрой? Один раз я могу стерпеть, но не больше.

– Ты хотела сказать, со своей сестрой-суперзвездой. Но, так и быть, прощаю за эту оговорку, – отозвалась Виви.

– Очень хочется, чтобы у нас в семье был врач, – сказала мама, скрестив пальцы на обеих руках, – ну или чтобы хоть одна из моих дочерей окончила школу. Так что иди и собирайся.

– А что, если она так и не объявится? – спросила я.

Виви пожала плечами. Я мгновенно расстроилась, решив, что, пропади Виви, Грей обязательно знала бы, что предпринять. У нас был бы план. Мы бы не бездействовали. Грей всегда была такой: для нее не существовало нерешаемых задач. Казалось, вся вселенная подчиняется ее воле. А мы с Виви слишком привыкли быть простыми солдатами под командованием старшей сестры. Без нее мы мгновенно терялись.

– Я собиралась вернуться в Будапешт сегодня вечером, но, полагаю, могу задержаться еще на денек, – сказала Виви. – Позвоню ее менеджеру или агенту. Наверняка им известно, где Грей.

Глава 7

Я звонила Грей по пути в школу, а потом – на каждой перемене, заранее понимая, что она мне не ответит. Проверила Find Friends – Виви и Кейт были дома, а геолокация старшей сестры по-прежнему не определялась. В классе я не могла ни на чем сосредоточиться, раз за разом обновляя инстаграм и фейсбук, чтобы проверить, не выложила ли она что-нибудь.

К обеду я начала думать, что Джей-Джей решили не мстить мне за то, что Виви – моя сестра. Жюстин на английском меня игнорировала, а Дженнифер я вообще не видела. А потом, когда я села обедать, нашла картинку. Лист бумаги для принтера, сложенный вдвое и подброшенный мне в рюкзак. Средневековое изображение трех женщин, которых сжигают на костре. Руки связаны за спиной, пламя уже лижет им подошвы. В фотошопе им приделали наши лица. Текста не было, но послание и так показалось мне довольно очевидным.

Горите в аду.

Я вздохнула. Первым желанием было выбросить листок или отнести его учителю, но вместо этого он был снова аккуратно сложен и отправлен обратно в мой рюкзак. Грей понравится. Ее такие штуки забавляют. Столько усилий приложено, чтобы женщины на костре стали нами. Сестра бы в школьные годы заключила рисунок в рамку и повесила на стену в своей спальне.

Я взяла телефон, чтобы в очередной раз позвонить ей, но через мгновение вспомнила, что сестра не отвечает, и набрала Виви – узнать последние новости. Гудки, гудки и снова гудки. Когда через несколько минут ее аватар в приложении погас, меня охватила настоящая паника. Что, если с Виви случилось то же, что и с Грей?

Второй день подряд я сбежала с уроков и бросилась домой под проливным дождем. Машины Кейт уже не было. Свет не горел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Пятизвездочный отель в Лондоне.

2

** Приложение и служба отслеживания мобильных телефонов для устройств iOS.

3

* Лесопарковая зона с холмом и видом на город.

4

Крупный учебный госпиталь в районе Хампстед лондонского округа Камден.

5

Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года, часть битвы за Британию.

6

* Район на северо-западе Лондона.

7

Резиденция Уильяма Мюррэя, первого графа Мэнсфилда, расположенная в лондонском районе Хампстед. В настоящий момент общественный художественный музей.

8

* Посттравматическое стрессовое расстройство, характеризуется повторяющимися навязчивыми воспоминаниями о шокирующем травматическом событии.

9

Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

10

1 дюйм равен 2,54 см.

11

Растения, способные противостоять воздействию огня.

12

Американская рок-группа.

13

Однорукая женщина-воин, которую сыграла Шарлиз Терон, персонаж фильма «Безумный Макс: дорога ярости».

14

Район северо-западного Лондона.

15

Американская рок-певица 60–70-х, признанная лучшей белой исполнительницей блюза.

16

** В ирландском фольклоре особая разновидность фей – вестниц смерти.

17

* Эмма Гамильтон – любовница британского вице-адмирала Нельсона, прославившаяся на всю Европу красотой, талантом и скандальными интригами.

18

В древнегреческой мифологии: могущественная чародейка, обитающая на острове Эа, куда был занесен во время своих блужданий по морю корабль Одиссея.

19

Лондонский коктейль-бар в особняке XVIII века.

20

Деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ

21

Пешеходная площадь в Лондоне.

22

В переводе с французского: «Вы в списке?».

23

Холодное оружие с широким к концу, прямым и длинным клинком.

24

Последователи религии, основанной на почитании природы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sazerlend_kristal/dom-hollou

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить